

БОМБАРДИРОВАНИЕ ОДЕССЫ
(10 АПРЕЛЯ 1854 ГОДА)¹

[...] III.

Наша неподготовленность к Крымской войне. Некоторые причины этого печального явления. Наша общая беспомощность. Самомнение, в особенности после Синопского разгрома.

Крымская война, как известно, застала нас совершенно врасплох: мы к ней совсем не были подготовлены.

Гордые своим прошлым, ознаменовавшимся с конца XVIII и с начала прошлого века непрерывным рядом блистательных побед, веруя в свою силу и непреодолимость, опираясь на свою численность, имея во главе рыцаря-Императора, чуть не повелителя всей Европы, – мы никак не могли представить себя когда-либо в роли побежденных.

Нами не допускалось и мысли, что разлагающаяся Турция, уже с конца XVIII века столько раз нами побежденная и униженная, чуть не совершенно уничтоженная, осмелится вновь противостать нашим силам: ведь мы были блистательны и величественны на смотрах и парадах; такими же, конечно, окажемся и в предстоящей войне.

В особенности мы, жители русского юга, – края, отнятого разновременно, по частям, у Турции, купленного нашею кровью в такое относительно недавнее время, – никогда не могли и представить себе, что обстоятельства почему-либо могут сложиться для нас неблагоприятно в каком-либо отношении... А, между тем, в то время уже составлялась против нас сильная коалиция из нескольких могущественных держав, заинтересованных в существовании Турции и стремившихся унижить нас, на сколько возможно, уничтожив обаяние нашего могущества.

Мы же, как скоро оказалось на деле, были в то время в совершенно беспомощном состоянии, в своем ослеплении и не подозревая чего-либо подобного.

У нас не было парового флота, – да и по числу кораблей мы не многим превосходили Турцию; войска наши были плохо вооружены, так как мы совершенно не следили за усовершенствованиями оружия на западе; солдаты наши не были обучены правильной стрельбе; пути сообщения находились у нас в самом первобытном состоянии, – почему и передвижения войск могли совершаться очень медленно и с большими затруднениями; многое и другое было у нас в самом безобразном состоянии.

Не понимая всего этого, мы, в блаженном неведении истинного положения дел, нисколько не смущались перед надвигавшимися грозными событиями.

Хотя наше «шапками забрасаем!» было и в то время уже некоторым анахронизмом; но мы все-таки с пренебрежением и насмешкою относились к нашим противникам, считая их слабыми, не стоящими внимания, и восторгались такими quasi-патриотическими произведениями, как «Вот в воинственном азарте воевода Пальмерстон»², всевозможными карикатурами на неприятеля, и проч.

А тут, как бы в подтверждение нашей твердой уверенности в своих силах, совершился разгром турецкого флота на при Синопе³, вызвавший уже активное вмешательство в нашу войну с Турцией Англии с Францией, а потом и Сардинии⁴.

IV.

Отсутствие особенной тревоги в Одессе при начавшейся войне. Влияние военного времени на торговлю. Вступление соединенных флотов в Черное море. Разведки неприятеля. Выяснившаяся необходимость немедленного укрепления Одессы. Главные пособия для нашей статьи.

Когда получены были первые известия о предположенном вступлении в Мраморное, а потом и в Черное море союзных флотов, мы и тут не особенно унывали: в одесском обществе, в кругах довольно почтенных, были, например, серьезно убеждены, что наш парусный флот никак не допустить неприятельских судов в Черное море, загородив им выход из Босфора, и тут-то мы, конечно, покажем себя неприятелю!

О Дунайской армии⁵ тоже мало беспокоились, убаюканные нашими прежними победами.

Относительно неприступности Севастополя и сомнения не было: неприятель не осмелится и подойти к этой крепости, если бы каким-нибудь образом и ворвался в наше море.

Во всяком случае в Одессе почти все мы считали себя в полной безопасности: кто же нападет на торговый, не укрепленный город?

Одно мы только понимали, одно глубоко и тревожило нас: война может неблагоприятно отразиться на торговле, главном (а в то время и единственном) источнике богатства нашего

¹ Статья излагается в современном правописании. Сохранен авторский стиль изложения материала. Примечания В. В. Солодовой.

² Название стихотворения, которое впервые было напечатано, по желанию Николая I, в «Северной пчеле» № 37, 1854.

³ Синоп(Синопское сражение) – морское сражение между русской(командовал вице-адмирал П.С.Нахимов) и турецкой(командовал Осман-паша) эскадрами в Синопской бухте 18.11.1853.

⁴ Сардиния – Сардинское королевство, существовало в Италии с 1720 по 1861.

⁵ Дунайская армия – русская армия, находившаяся в Валахии и Молдавии во время Дунайской кампании(1853-1856).

города, – тем более, что по случаю тревожного времени торговые операции, видимо, стали менее значительны, чем прежде.

В особенности в этом отношении было очень чувствительно воспрещение (12 февраля) отпуски хлеба за границу из одесского и всех черноморских портов, – почему-то именно только до 1-го сентября 1854 года.

Почти непосредственно за Синопским разгромом вступили в Черное море английская и французская громадные эскадры, под предлогом охранения турецкого флота от нашего нападения и для наблюдения за нашими морскими силами, – а на самом деле – с целью совершенно уничтожить черноморский флот, так опасный для Турции.

Между тем паровые эскадры союзников стали производить разведки у наших берегов, от устьев Дуная до Кавказа, разыскивая наш флот и знакомясь, вместе с тем, с будущим поприщем своей деятельности; парусные же суда неприятеля, для которых осеннее и зимнее плавание было не безопасно в нашем бурном море, оставались до времени в Босфоре.

Это уже был не слабый турецкий флот, который мы могли бы легко уничтожить, и тем самым от всякой опасности наши приморские города.

В таких обстоятельствах мы поневоле должны были очнуться от самоуспокоения и серьезно подумать об охране от неприятельского нападения нашего побережья.

При этом, к сожалению, выяснилось очень мало утешительного: оказалось, что для этой защиты почти ничего не было предпринято. Даже Севастополь, главный оплот наш на Черном море, неприступная твердыня с морской стороны, совершенно не был укреплен с суши: очевидно, не допускалось и мысли о возможности высадки врага на крымские берега.

Обратимся теперь исключительно к нашему городу и посмотрим, было ли что-либо сделано для его защиты.

При этом мы воспользуемся главным образом трудом капитана генерального штаба г. Черемисинова «Одесса в истории русских войн» (Одесса, 1904). Автор впервые коснулся данного вопроса, воспользовавшись для того нетронутым до сей поры источником – архивом Одесского генерального штаба⁶.

Перейдя затем собственно к бомбардированию Одессы, мы будем пользоваться очень содержательной брошюрой профессора Ришельевского лицея⁷ К. П. Зеленецкого «Записка о бомбардировании Одессы, 10-го апреля 1854 г.» (Одесса, 1854), представляющей сведения, почерпнутые из официальных источников и из рассказов участников защиты нашего города; «Новороссийский календарем» на 1855 г. (Одесса, 1854), где собраны все официальные данные о бомбардировке; статьями: генерала А. П. Щеголева (в Военном сборнике) и О. Чижевича «Город Одесса и одесское общество (1837-1877)» в сборнике «Из прошлого Одессы» (Одесса, 1894); сведениями, собранными нами в архивах одесского генерал-губернатора и канцелярии попечителя одесского учебного округа; своими личными воспоминаниями и рассказами и заметками, появившимися в газетах и других изданиях в 1904 году по поводу 50-летия бомбардирования Одессы.

V.

Обнародование высочайшего манифеста о войне. Официальные данные о беспомощном состоянии Одессы. Наш порт в 1854г. Бульвар и улицы. Береговые укрепления, имевшиеся в это время. Батарейная прислуга. Калипсо. Гарнизон Одессы.

Несмотря на то, что в официальных кружках и в коммерческом мире давно уже носились слухи о предстоящей войне с Турцией (о чем, конечно, говорилось и в иностранных газетах), Одесса только 1-го ноября официально узнала о ней из обнародованного в этот день высочайшего манифеста от 20-го октября.

Хотя и трудно было предположить, что опасность в данном случае может угрожать и нашему мирному городу, – но, для предупреждения всяких неожиданностей в военное время, пришлось серьезно подумать о защите Одессы.

Насколько город наш был мало подготовлен к встрече неприятеля, свидетельствует официальный документ – проект исправляющего обязанности коменданта Одессы, полковника Рафтопуло, о сформировании милиции для обороны города – из добровольцев, жителей Херсонской губернии, с вооружением ее разнокалиберным оружием, хранившимся в громадном количестве в херсонском арсенале, а для образования артиллерии предполагалось испросить позволение у графа М. С. Воронцова⁸ и графини Ланжерон⁹ воспользоваться высочайше пожалованными первому и супругу второй небольшими пушками. Чтобы дальнейший рассказ наш был яснее, необходимо сказать хоть несколько слов об устройстве в 1853-54 г. нашего порта, где должна была сосредоточиться главным образом оборона города.

Ни бреватера¹⁰, отделяющего порт от открытого моря, ни большинства тех многочисленных молв и пристаней, которые устроены в нем в настоящее время, – уменьшая водную площадь гаваней, – тогда вовсе не существовало.

⁶ Правильное название – Архив штаба Одесского военного округа.

⁷ Ришельевский лицей – первое учебное заведение в Украине созданное в Одессе по образцу Царскосельского лицея в 1817.

⁸ Воронцов, Михаил Семенович – светлейший князь, генерал-фельдмаршал, генерал-губернатор Новороссийского края и Бессарабии (1823-1853).

⁹ Ланжерон, Елизавета Адольфовна (урожденная Бриммер) – супруга графа А. Ф. Ланжерона.

¹⁰ Бреватер – мол для защиты рейда, гавани или берега от разрушительного действия волн.

При малейшем ветре над таковыми мостовыми подымались целые облака пыли, из-за которых трудно было иногда различать и сами дома.

Береговые укрепления Одессы состояли из всего двух батарей на оконечностях Военного и Карантинного молв. Они вооружены были 20-ю старинными пушками 24-фунтового калибра. Эти полуразвалившиеся батареи представляли собой длинные, сложенные из камня бруствера, вышиною и толщиною до 5 футов.

Пушечные лафеты, «стоящие тринадцать лет на открытом воздухе и омываемые непрерывно брызгами моря», пришли в совершенную негодность. Для половины орудий доставало ни принадлежностей, ни зарядных ящиков. Артиллерийская команда на батареях состояла всего из одного офицера и 25 нижних чинов.

Для усиления такой ничтожной морской обороны имелся еще в гавани единственный парусный 18-пушечный корвет «Калипсо», занимавший брандвахтенный пост¹².

Гарнизон Одессы состоял из пехоты и кавалерии, – всего из 90 офицеров и 2808 нижних чинов (пехотных – 77 офицеров и 2384 нижних чинов, кавалеристов – 13 офицеров и 424 нижних чинов).

Таковы были при начале Крымской войны все оборонительные силы важнейшего торгового города юга России, со значительным портом, с многолюдным населением, – раскинутого на огромном пространстве береговой полосы.

VI.

Исправляющий должность генерал-губернатора Федоров. Его представление в Петербурге о состоянии Одессы в военном отношении. Распоряжения Федорова относительно обороны Одессы. Действия комиссии под председательством полковника Гангардта.

Трудность положения Одессы относительно обороны хорошо сознавал исправлявший в то время должность Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора, генерал от инфантерии Федоров. Старый служака, прошедший суровую школу тогдашней военной дисциплины, начиная с простого солдата до высших чинов, своею сметливостью, строгой исполнительностью и неутомимой энергией добившийся высокого служебного положения, Федоров, как администратор, был очень требователен к подчиненным и неумолимо строг, – причем, в экстренных случаях, его кисть употреблялся для тех же целей, как пресловутая дубинка Петра Великого.

В 1854 году, впрочем, он был уже больным и слабым стариком, хотя прежняя энергия почти не уменьшилась в дряхлом теле.

Вследствие затруднений в обороне Одессы, генерал Федоров, не медля, представил в Петербург о полнейшей беспомощности нашего города в военном отношении; сам же, не теряя времени, при ближайшем сотрудничестве полковника Гангардта, принял, со своей стороны, различные меры для улучшения обороны Одессы. Прежде всего им учреждена была охрана побережья и организована наблюдательная служба. Для этих целей предназначен был корвет «Калипсо» и пункты у маяка на Большом Фонтане¹³, на дачах Ланжерон, Лидерса и Кортацци.

Насколько наивны были некоторые из этих распоряжений, можно убедиться, например, из того, что небольшому корвету «Калипсо» приказывалось встретить врага (т.е. соединенные флоты английский и французский!) в открытом море и «стараться отразить его от рейда»; в случае неудачи корвет должен был, отходя к порту, подвести неприятеля под огонь наших батарей, и прочее.

Общее заведывание береговой сигнализацией возложено было на капитана 2-го ранга Швенднера. Начальниками наблюдательных пунктов назначены были с окончившего кампанию парохода «Андии» штурманский прапорщик Высота, механик Кмита и артиллерийский кондуктор Рыбаков.

Сигналом тревоги должны были служить: днем – разноцветные флаги или, в туманную погоду, фальшфейера, а ночью – цветные фонари. Помимо того, между городом и Большим Фонтаном поставлены были шесты с соломой, зажигающейся в случае общей тревоги. Сигналом для нее служили три выстрела из вестовой пушки корвета «Калипсо», а ночью – три ракеты, в промежутки между выстрелами. Кроме того, – по распоряжению генерала-майора Егорова, назначенного главным начальником одесского гарнизона, – в случае десанта и вторжения неприятеля в город – звон в колокола.

На пространстве между городом и колонией Люстдорф¹⁴ наблюдали за неприятелем также пограничная стража и казацки пикеты.

VII.

Предложение из Петербурга по поводу обороны Одессы. Выработанный в столице проект укреплений города. Разрешение употребить на это 130.000 рублей из остаточного городского капитала. Работы подвигаются вперед генерал-адъютантом бароном Остен-Сакеном. Два яруса батарей. Невозможность оборудовать их согласно проекту. Их устройство. Препятствия, замедлявшие работы на батареях. Оборудование их.

¹² Брандвахтенный пост – предназначался для наблюдения за входящими в порт судами. Обычно для этих целей использовался корабль стоящий на рейде.

¹³ Большой Фонтан – пригород Одессы.

¹⁴ Люстдорф – немецкая колония в предместье Одессы.

Вследствие тревожного донесения генерала Федорова, из Петербурга предложено было немедленно приступить к проведению в порядок обороны Одессы. Этим занялась комиссия под председательством Гангардта.

На обеих батареях были утолщены бруствера, старые лафеты заменены новыми, приготовлены заряды, артиллерийская принадлежность, сделаны платформы под орудия. Все это было окончено в половине ноября 1853 года.

В то же время императором Николаем Павловичем повелено было составить немедленно общий проект укреплений Одессы. Выработанная в Петербурге бароном Корфом¹⁵ и генералом Денном¹⁶ записка об укреплении нашего города была получена в Одессе только 21 декабря того же года.

В проекте намечались главные места для батарей. На приведение города в готовность к обороне разрешено было употребить из остаточного капитала Одессы аванс в 130.000 рублей.

Работы быстро подвинулись вперед главным образом уже в конце декабря, когда прибыл в Одессу командир 3-го пехотного корпуса генерал-адъютант барон Д. Е. Остен-Сакен¹⁷, назначенный командующим войсками, расположенными в Бессарабии и в Херсонской губернии, по правому берегу Буга.

По осмотру командующим войсками, вместе с генералами Лехнером¹⁸ и Баранцовым¹⁹, одесского побережья, решено было устроить батареи в два яруса: внизу – на молах Карантинной и Практической гаваней и вверху на высотах приморского берега.

В нижнем ярусе, на молах, выдвигавшихся в море до полуверсты, найдено необходимым, помимо двух прежних батарей, устроить еще третью – «верхнюю Карантинную», – на возвышении, образовавшемся от выгружаемого много лет балласта. Вооружить их предполагалось 32-мя пушками и 6-ю мортирами²⁰: 16-ю – на оконечности Карантинного мола и по 8-ми пушек и по 3 мортиры – на верхней Карантинной и Военном моле.

Верхний ярус должен был служить резервом. Здесь предполагалось три батареи: у дачи Лидерса (впоследствии перенесена в Карантин²¹, внизу Чумного квартала) – с 12-ю орудиями, в конце Канатной улицы (впоследствии заменена батареею внизу бульвара, по правую сторону лестницы) – с 14-ю и под бульваром, тылом к дому графа Воронцова, – с 12-ю орудиями.

Когда к 31 декабря все подготовительные работы были закончены, барон Сакен предложил комиссии немедленно приступить к устройству самих батарей, «не взирая на (зимнее) время года», конечно, очень неудобное для производства подобных работ. Но – необходимо было спешить с ними...

К сожалению, все эти предложения, прекрасные на бумаге, не могли осуществиться на деле: на лицо имелось всего 20 пушек, а требовалось их, при данных условиях оборудования батарей, – 56. Необходимо было, таким образом, немедленно озаботиться приобретением недостающего числа орудий.

После продолжительной переписки по этому вопросу, в Одессу доставлено было по несколько пушек из Киевской крепости, Бендер и Тирасполя. Но все-таки и теперь оказалось на лицо, вместо предположенных 76 орудий, всего 32 пушки, 10 единорогов²² и 6 мортир.

Тогда, вследствие недостатка орудий, пришлось совершенно исключить центральную батарею, от действий которой ожидалось очень много, и сделать замену, о которой мы говорили выше.

Все укрепления возводились из земли. Толщина брустверов доходила до 12, а высота от 4,5 до 13 футов. Так как блиндажей нельзя было устроить, по недостатку в то время лесу и в Одессе и в Херсоне, то амбразуры на батареях устроены были с мерлонами²³ из деревянных ящиков, туго набитых землей.

Земляные работы производились «домашними средствами», без всяких денежных расходов, большей частью арестантами (от 200 до 250 человек ежедневно), а в последнее время – и всяким беспаспортным людом.

Работы, к сожалению, шли очень медленно, так как возникали различные затруднения в доставке земли для батарей. Денег на подводы ассигновано не было, почему пришлось обращаться за помощью к частным лицам. Прежде всех предложили свои безвозмездные услуги извозчики, занимавшиеся перевозкой хлеба. Значительную помощь в этом случае оказал также, подводами и многим другим, служивший в Карантине тосканскоподданный²⁴ Луиджи Мокки.

Но – дело все-таки шло не особенно успешно. Тогда решено было привлечь к работам все имеющиеся в городе подводы. Казалось, что теперь уже все вполне наладилось... Но, совершенно неожиданно, явились новые препятствия – уже чисто формальные, бумажные.

¹⁵ Корф, Николай Иванович – барон, генерал от артиллерии, инспектор всей артиллерии.

¹⁶ Ден, Иван Иванович – инженер-генерал, член государственного совета.

¹⁷ Остен-Сакен, Дмитрий Ерофеевич – барон, командующий войсками Бессарабской и части Херсонской губернии (1853-1854), начальник Севастопольского гарнизона (1854-1855).

¹⁸ Лехнер, Андрей Андреевич – генерал-лейтенант, командир Дунайского инженерного округа (в Одессе).

¹⁹ Баранцов, Александр Алексеевич – граф, генерал от артиллерии, член государственного совета, заведующий всей артиллерией в Финляндии.

²⁰ Мортира – артиллерийское орудие, использовавшееся для бомбардировки на больших дистанциях.

²¹ Карантин – специальное санитарное учреждение (от итальянского Quarantina – 40 дней), где прибывших из других стран задерживали для наблюдения за их состоянием здоровья. В порту существовала Карантинная гавань, где по санитарным нормам и требованиям задерживали суда и товары.

²² Единорог – артиллерийское орудие.

²³ Мерлоны – толща бруствера между двумя соседними амбразурами.

²⁴ Тосканскоподданный – от Тоскана – бывшего герцогства, которое объединяло ряд итальянских провинций до 1860 г., т.е. до присоединения к Сардинскому королевству.

Дело в том, что на Карантинном моле, где возводились батареи, образовалась с незапамятных времен огромная куча земляного балласта. Казалось бы, таким образом, что необходимый для батарей материал был под рукой. Но, к сожалению, это только казалось... На самом же деле по карантинным правилам, балласта этого нельзя было касаться – из опасения возможности распространения заразных болезней.

Генералу Лехнеру, однако, хотя с большим трудом, – удалось кое-как убедить начальство в отсутствии в этом отношении всякой опасности. И вот последовало, наконец, и согласие на допущение рабочих внутрь ограды, – но под условием 14-дневного для них карантина. Такое дозволение, очевидно, равнялось полному запрещению. Вольные рабочие на такую меру не могли согласиться, а относительно арестантов это было уже совершенно невозможностью.

И вот, после долгих пререканий между двумя ведомствами, дело опять кое-как уладилось, – но – уже перед самым приходом в Одессу английского парохода «Furious», из-за которого, как увидим, и произошло столкновение с неприятелем.

Оборудование батарей шло также очень медленно: хотя станки и лафеты для орудий изготовлялись в самой Одессе, но запас снарядов необходимо было восполнить из Киева. К 11-му апреля он состоял всего из 3200 гранат, 1500 бомб и около 1000 картечей.

К этому времени на батареях были построены ядрокалильные американские печи и сводчатые погреба для хранения пороха и снарядов.

VIII.

Начальство над батареями поручается полковнику Яновскому. Места, выбранные для батарей. Вооружение их. Принятие батареи прапорщиком Щеголевым. Заржавленные пушки. Батарея Луджи Мокки.

Общее начальство над батареями поручено было полковнику Яновскому. Прислуга, от 4 до 5 человек на каждое орудие, состояла из нижних чинов разных частей, – людей, большею частью совершенно несведущих в артиллерийском деле. В итоге всего, к 10 апреля береговые сооружения для защиты Одессы состояли из батарей:

№ 1 – на Ланжероне, тылом к Чумному кварталу: 2 единорога 1-пуд. калибра и 6 мортир 2-пуд. калибра (командир поручик Виноградов);

№ 2 – на среднем фасе Карантинного мола: 6 пушек 24-фун. калибра (командир прапорщик Арженинов);

№ 3 – на оконечности того же мола: 16 пушек 24-фун. калибра (командир поручик Волошинов);

№ 4 – внизу бульвара, вправо от лестницы: 8 единорогов 1-пуд. калибра (командир прапорщик Крылов);

№ 5 – там же, влево от лестницы, тылом к дому Воронцова: 6 пушек 24-фун. калибра (командир прапорщик Андрюцкий) и

№ 6 – на оконечности Военного мола: 4 пушки 24-фун. калибра (командир прапорщик Щеголев).

Пушки в большинстве случаев были старые, чугунные, мало годные для дела (образчики их можно видеть и теперь на Щеголевском моле: они служат для причала судов).

Интересна сцена принятия таких орудий передаваемая товарищем А. П. Щеголева: «Явился полковник (Яновский), обошел людей, посмотрел в зарядные ящики, где хранился порох..., кучу ядер, мочальные пыжи и принадлежность для заряжения орудий. Все это было пересчитано, принято Щеголевым, и уже Яновский хотел уходить, как Щеголев обращается к нему с вопросом:

- А где же орудия, господин полковник?

- Ах, да! Разве вам не дали лопат и топоров, чтобы выкопать пушки из земли? Вот ваши орудия! – и при этом указал на палы, врытые в землю для причала приходящих судов».

И вот такая древность выкапывалась из земли (пушки эти достались нам в Екатерининское и даже чуть не в Петровское время), – отчищались на ней вековая ржавчина и наросты снаружи и внутри, и затем ставилась на лафет; а может ли она выдержать хоть один выстрел – об этом никто и не думал. Определив род и калибр орудий, подбирали к ним снаряды из числа лежавших около развалин упраздненной крепости (в нынешнем Александровском парке²⁵) – и дело с концом.

Любопытные данные по поводу батареи № 6 сообщает А. П. Щеголев: «Начальство мое не допускало и мысли, что главною целью будет № 6 батарея, как потому, что она была удалена от правого фланга и значительно вдавалась в глубь гавани, так и потому, что не только старожилы, но даже и капитан над портом г. Фролов уверял, что море пред батареей у предместья Пересыпи так мелко, что даже военные пароходы не смогут подойти к ним на пушечный выстрел, упуская из виду и то, что неприятельские железные суда не требовали особенно большой глубины для охвата Практического (Военного) мола, – что и подтвердилось на деле. Поэтому накануне бомбардировки командир 5-й артиллерийской дивизии и заведующий вместе с тем береговыми батареями полковник Яновский лично приказал мне большую часть зарядов передать на батарею № 5; я же из расспросов шкиперов знал приблизительную глубину моря у моей батареи и у Пересыпи²⁶, а потому и спросил, чем же я то буду отстреливаться, если предположить еще, что бомбардировка не ограничится одним днем, – и потому не передал ни одного заряда, и хорошо сделал, иначе на другой день после 5 – 6 очередей выстрелов батарея принуждена была бы замолчать».

²⁵ Александровский парк – в настоящее время парк культуры и отдыха им. Т. Г. Шевченко.

²⁶ Пересыпь – песчанная коса естественного происхождения между лиманами и морем с северо-восточной стороны Одессы; предместье Одессы.

Чтобы ознакомить с характером самого служебного состава батарей, возьмем для этого тот же № 6-й. Вся команда 4-пушечной батареи состояла из: полевой пешей артиллерии – барабанщика, фейерверкера, 2 бомбардиров, старшего канонира; бессрочноотпускных, только что призванных на службу: унтер офицера и 20 рядовых, – всего из 30 человек. Из них артиллеристов было всего по 2 на орудие и по 5 пехотных рядовых. Таким образом, по словам А. П. Щеголева, пришлось ускоренно обучать прислугу примерному действию при орудиях холодными и калеными ядрами – безо всякой практической стрельбы, – по недостатку пороха и снарядов; а между тем, пехотные солдаты совершенно не были знакомы с артиллерийским делом. Назначенная на 8 апреля, в 10 часов утра, практическая стрельба на батарее № 4, где должны были присутствовать командиры всех батарей, не состоялась, потому что к этому времени были уже замечены неприятельские корабли, направляющиеся к Одессе.

Кроме этих (казенных) батарей, некто Луиджи Мокки (тосканскоподданный, принявший потом русское подданство) устраивал еще батарею в конце Канатной улицы, над обрывом, на свой собственный счет. Мокки служил боцманом при нашем Карантине и заведовал спасательным ботом. Батарея вооружена была пушками, купленными Мокки у города и выкопанными из земли на Военном моле. Хотя она занимала очень удобный пункт, на возвышении, но, к сожалению, далеко отстояла от рейда, почему ядра с нее не могли достигать до неприятельских судов. Батарея эта, впрочем, не была еще вполне готова к 10 апреля. Пороховым погребом для нее, по словам г. Станилевича, служила старая башня в конце главной аллеи нынешнего Александровского парка.

IX.

Предполагаемое значение каждой из батарей в деле обороны Одессы. Подробности относительно батареи № 6 (будущей Щеголевской). Недостатки в устройстве ее. Общий состав гарнизона Одессы к 10-му апреля 1854 г. Ожидаемые резервы.

Из расположения и вооружения батарей видно, что главный успех обороны рассчитан был на №№ 2, 3 и 6 (26 орудий), выдвинутые в море далее остальных.

К сожалению, конфигурация молв лишала батареи взаимной поддержки, а их незначительное возвышение над морем, при невысоких брустверах, делало их мало пригодными в военном отношении.

Батареи, построенные на высотах, также страдали различными недостатками: № 1, сильнейшая и опаснейшая для неприятеля, отстояла от порта и Карантинного мола на 3 версты; №№ 4 и 5 были слишком отдалены и от других батарей, и от наступающих неприятельских кораблей.

По количеству артиллерии сильнейшим являлся центр обороны (4 батареи): по две – на Карантинном молу и под бульваром, – всего 36 орудий, а слабейшим – левый фланг (№ 6 – 4 орудия, мало пригодные к делу).

Само положение последней батареи, которая должна была защищать всю часть одесского рейда от Пересыпи до города, было во всех отношениях и неудовлетворительно, и опасно.

Малокалиберные пушки, амбразуры из деревянных ящиков, набитых землей, расположенные выпукло дугой к самой глубокой части залива, – левая сторона батареи (т. е. обращенная к Пересыпи) и тыл ее могли быть совершенно открыты для неприятеля (что, как увидим далее, действительно и случилось). В таком положении батарея № 6 могла действовать против врага только одной левой пушкой, а остальные должны были совершенно бездействовать.

К этим неудобствам присоединилось еще много других, не менее важных.

Позади батареи, на молу, было много различных построек (которые к приходу неприятеля предполагалось убрать, но, по нашему обыкновению, этого не успели сделать) и значительных складов товаров, выгруженных с судов.

Огромный сарай паровой компании представлял собой отличную цель для неприятеля. Позади его был пороховой погреб, за которым, шагах в девяти, склад кулей с сухим лавровым листом. Далее, рядом с «присяжною» будкой карантинного ведомства, устроена была ядрокалильная печь, а около нее навалена была громадная куча мешков (8000) – для исправления амбразур в случае надобности.

Такова была вся наша морская оборона, – очевидно, малопригодная и далеко не надежная для предназначенной цели.

Перейдем к сухопутной.

Гарнизон Одессы к 10 апреля состоял из 16 батарей, 18 эскадронов и сотен (с 76-ю орудиями), стянутых из различных мест нашего края.

Пехота состояла из резервных и запасных батальонов из состава пехотных полков Житомирского, Колыванского, Одесского, Подольского, Томского и Украинского, всего 16 батальонов; кавалерия – из 1-й бригады 6-й легкой кавалерийской дивизии уланских полков эрцгерцога Карла Фердинанда (Белгородский) и графа Никитина (Чугуевский), – по 8 эскадронов, и Дунайского казачьего № 2 полка – 2 сотни; всего 16 эскадронов и 2 сотни; артиллерия – из резервных батарей №№ 10 и 13 (батареиных) и 14 и 15 (легких), – по 24 орудия в каждой; сводной батареи 14 артиллерийской бригады – 12 орудий; коннолегких батарей №№ 11 и 20, – 16 орудий; всего же 76 орудий.

Таким образом в случае десанта неприятеля ему можно было противопоставить до 6000 штыков и 3000 сабель, при 76 полевых орудиях.

Резервом служила уланская дивизия у г. Вознесенска. Кроме того, предполагалось еще, что прибудет 16-я пехотная дивизия и 43-й казачий полк. Резервы эти, однако, к 10 апреля в Одессу не успели.

Х.

Предположения союзников Турции относительно возможности нашего десанта в Босфоре. Вход англо-французского флота в Черное море. Разведки союзников. Приход «Furious'a» в Одессу 27 марта. Парламентерская лодка. Выстрелы с нашей батареи при приближении «Furious'a» к молу. Приход по этому поводу неприятельской эскадры 1 апреля. Письменный запрос относительно случая 27-го марта. Ответ барона Сакена. Охота эскадры за нашими баржами и суденышками. Уход ее.

Переходим к событию, служащему главным предметом нашего доклада.

После Синопского разгрома союзники могли предположить возможность нашего десанта в Босфоре, при содействии черноморского флота, – что повело бы, конечно, и к взятию Константинополя (путь к которому, как известно, проложен был еще первыми нашими князьями). Предположение это имело основания: Императором Николаем I Павловичем, действительно, как впоследствии стало известно, имелась в виду эта цель; но Меншиков²⁷ и Паскевич²⁸ находили подобное предприятие довольно рискованным, – с чем Государь, по всестороннем обсуждении данного вопроса, потом и согласился.

Чтобы помешать нам в этом отношении, флоты союзников вошли в Черное море, как нами уже было упомянуто.

Один из неприятельских пароходов («Retribution»), посланный для рекогносцировки к Одессе, Варне, Севастополю и устьям Дуная, воспользовавшись туманом, подошел к Севастополю на такое близкое расстояние, что мог совершенно свободно осмотреть вход на рейд этого города и места его береговых укреплений.

В предупреждение подобного случая и в Одессе, бароном Сакеном сделано было распоряжение, чтобы командиром дежурной батареи встречалось огнем каждое боевое судно, приближающееся к одесскому берегу на расстояние пушечного выстрела. Приказ этот вскоре пришлось применить и на деле.

27-го марта 1854 года, в 5 ½ часов утра, к нашему порту подошел английский пароход «Furious», безо всякого флага. С дежурной батареи сделано было два предупредительных холостых выстрела. Пароход остановился, поднял английский флаг и, непосредственно за тем, спустил шлюпку с парламентерским флагом.

Она подошла к берегу, будто бы узнать, в Одессе ли английский консул. Получив отрицательный ответ, шлюпка отошла к пароходу. При ее приближении, «Furious» двинулся в самый залив и подошел довольно близко к молу. Тогда с батареи пущено было в пароход, одно за другим, четыре ядра. Последнее из них попало в корпус «Furious'a». Пароход после этого тотчас же поворотил назад и, приняв шлюпку, поспешно удалился с рейда.

Необходимо заметить, что во время стрельбы по пароходу шлюпка находилась совершенно в стороне от него, вне направления наших выстрелов.

Вскоре после этого случая, а именно 1-го апреля, часу в 10-м утра, подошла к Одессе неприятельская эскадра из трех пароходов (двух английских и одного французского). Командир ее Дундас²⁹, тотчас же потребовал от губернатора Одессы (так назван был барон Сакен) письменного ответа на запрос: на каком основании с мола стреляли по парламентерской шлюпке «Фюриуса»?

Генерал-адъютант Сакен на другой день прислал письменное объяснение относительно всех обстоятельств дела, выразив удивление по поводу предложенного вопроса. Дальнейших переговоров по этому случаю не было, хотя эскадра оставалась еще целые сутки перед Одессой, вне выстрелов наших батарей. Неприятель измерял глубину одесского залива и захватывал наши каботажные суденышки, с грузом и без груза шедшие в Одессу.

С этой целью отделялись от эскадры то один, то другой пароход по направлению к Очакову, Бугасу³⁰ и пр. По временам слышались отдаленные выстрелы по тем судам, которые, вероятно, старались уйти от неприятеля или же выброситься на берег.

Пароходы эскадры не стеснялись, при встрече с нашими суденышками, выбрасывать флаги дружественных держав или же русские, вводя в заблуждение судовладельцев или шкиперов. Одни из захваченных судов сжигались неприятелем, а другие были присоединяемы к эскадре.

Несколько барок было схвачено неприятелем в нашем заливе, в виду бульвара. Очевидец рассказывал, что был даже такой случай: пароход погнался за одной херсонской баркой; шкипер ее, на всех парусах, полетел к противоположному берегу залива; пароход – за нею; но барка твердо решила не сдаваться ни под каким видом; пароход же, по мелководью, не имея возможности далее гнаться за ней, выстрелил по лодке и подбил ее. Некоторые говорили, что слышали даже, как с барки ответили выстрелом из маленькой пушечки (вероятно, просто-напросто – из ружья; где же барке взять пушку?). Затем экипаж барки сел в лодку и благополучно высадился на берег. Пароход же все-таки спустил баркас и захватил барку. Другое купеческое судно было захвачено неприятелем в то время, когда хозяин груза стоял на бульваре, бессильно разводя руками.

²⁷ Меншиков, Александр Сергеевич – светлейший князь, генерал-адъютант, адмирал, главнокомандующий Крымской армией.

²⁸ Паскевич, Иван Федорович – граф Эриванский, князь Варшавский, генерал-фельдмаршал трех европейских армий (австрийской, прусской и русской) и наместник царства Польского; главнокомандующий русской армией во время Дунайской кампании (1853–1854).

²⁹ Дундас, Джемс – британский адмирал во время Крымской войны.

³⁰ Бугас – местность, расположенная в устье Днепровского лимана.

В ночь с Лазаревой субботы на Вербное воскресенье эскадра наконец удалилась, уводя с собою 13 захваченных судов.

XI.

Очевидные замыслы неприятеля против Одессы. Распоряжения Сакена. Город всем этим мало тревожится. Приход войск. Службы Страстной седмицы. Архиепископ Иннокентий. Его блестящие проповеди-импровизации в кафедральном соборе. Сообщение молящимся о приближении неприятельского флота в Одессе.

Все эти факты ясно показывали, что неприятель имеет серьезные замыслы против нашего города, и потому генерал-адъютант Сакен предпринял различные меры к безопасности Одессы как внутренней, так и внешней.

Отделению государственного банка, казначейству и институту благородных девиц предложено было готовиться к выезду из города; остальные казенные учреждения были перевезены в части города, более отдаленные от моря; зерновой хлеб, находившийся в Одессе в большом количестве, велено было вывозить в различные соседние местности; часть арестантов отправлена в Бендеры, и пр.

Вновь пришедшие войска были распределены постоем у домовладельцев, на которых возлагалось и самое продовольствие нижних чинов. Большинство хозяев принимало гостей очень охотно и вполне радушно; хотя, конечно, были, к сожалению, и исключения.

В городе все-таки не придавали особенного значения всем таким приготовлениям, и вообще беспокоились по этому поводу очень немногие: никто почти не верил, чтобы мирная Одесса могла подвергнуться нападению или разгрому неприятеля.

Все шло большей частью своим обычным порядком. Конечно, особых увеселений не было, но это уславливались самой седмицей страстей Господних.

Торговля не прекращалась. Погода стояла прекрасная, и потому многочисленные толпы гуляющих наполняли бульвар, Пале-Рояль (это было также место гуляния) и Дерибасовский сад, – но не саму улицу: в то время она была довольно пустынна, магазинов на ней было очень немного, а гулянья происходили на Ришельевской. Многие отправлялись и за город, – на дачу Ланжерон, в Ботанический сад, Дюковский сад и пр.

Главными местами для наблюдения за ожидавшимися неприятельскими кораблями, которыми все интересовались, были все-таки бульвар и дача Ланжерон.

В церковь во все дни Страстной седмицы постоянно было много молящихся, в особенности начиная с Великого Четверга. Некоторые только теперь и могли говеть, занятые до того то службою, то своими делами. Кроме того, сами церковные службы этой седмицы, отличающиеся трогательностью и торжественностью, невольно привлекали население в храмы.

Особенно торжественно и умирительно службы совершались в Преображенском соборе, всегда переполненном молящимися, которых привлекало туда и архиерейское служение, с великолепным хором певчих, и проповеди нашего знаменитого архиепископа Иннокентия.

Небольшого роста, с умным, красивым, бледным и выразительным лицом, с необыкновенным спокойствием во всех своих движениях, с особенной манерой говорить без всяких декламаторских повышений и понижений голоса, без тетрадок или конспектов, преосвященный Иннокентий произносил свои проповеди таким естественным тоном, будто вел обыкновенную беседу, в самой простой обстановке. Опершись на архиерейский посох, он обращался, как в обыкновенном разговоре, к своим слушателям то в одну, то в другую сторону. Живая, образная речь его, общедоступная и направленная преимущественно на сердце, сильно действовала на слушателей. Иногда он на несколько секунд приостанавливался, как бы отдыхая, или обдумывая продолжение своего слова, – и затем речь его опять лилась медленным и спокойным потоком, невольно захватывая внимание слушателя.

Блестящая способность архипастыря к импровизации в особенности сказалась в тяжелые для Одессы дни апреля 1854 года. События здесь так быстро следовали одно за другим, что очень трудно или вернее – совершенно невозможно было предугадать их. Сама обстановка жизни в это время была настолько тревожна, что спокойное, кабинетное обдумывание проповеди решительно не могло иметь места. Не забудем при этом, что очень продолжительные церковные службы Страстной седмицы отнимали у архипастыря чрезвычайно много времени, физически утомляя его, а Иннокентий далеко не отличался крепким здоровьем. Воспользоваться своими прежними проповедями в данном случае также не было возможности: все слова его, произнесенные в Страстную седмицу 1854 года, приурочены были к текущим событиям и находились в прямой и непосредственной с ним связи, – как увидим далее.

Переходим к самым событиям тревожных дней Страстной седмицы 1854 года.

8-го апреля преосвященный Иннокентий, по окончании церковной службы, в своей проповеди впервые сообщил молящимся, что «враги наши, столько времени угрожавшие нам своим нашествием, наконец перед нами, на водах наших».

Об этом передал архиепископу, перед самым началом служения, около 10 часов утра, барон Сакен, прося у него благословения на предстоящее дело, – так как неприятельский флот был уже в виду Одессы.

XII.

Приход соединенных флотов. Цель неприятеля. Требования адмиралов Дундаса и Гамелена³¹, предложенные Сакену. Барон оставляет без ответа дерзкие предложения адмиралов. Слово архиепископа Иннокентия по этому поводу – для успокоения молящихся. Действие известия о предстоящей бомбардировке на жителей Одессы. Город объявляется на военном положении. Генерал-адъютант Сакен проводит всю ночь на 10-е апреля в наблюдении за неприятелем.

Хотя неприятельская эскадра замечена была с Больше-Фонтанского маяка уже с 8-9 часов утра (именно – с 8 час. 45 мин.), но тогда еще трудно было вполне точно определить размеры ее и типы судов. Только к 12-ти часам утра можно было в обыкновенные бинокли рассмотреть, что всех вымпелов было 27. Флот неприятельский шел к нашему порту двумя отделениями: ближе к берегу – небольшие корабли, далее – трехдечные; по сторонам и в середине между обоими отделениями – пароходы.

Зрелище было грандиозное: весь залив с юго-востока был как бы оцеплен рядом гигантов-кораблей³².

Многие успели уже заранее позапасть зрительными трубками и биноклями, чтобы определеннее ознакомиться с невиданным в Одессе громадным флотом. Излюбленными местами для этого по-прежнему оставались дача Ланжерон и наш приморский бульвар.

Пошли опять различные предположения о цели прихода соединенных флотов, бесконечные разговоры и споры на эту тему, заставившую забыть все другие интересы.

Одни говорили о намерении неприятеля завладеть городом, как важным коммерческим портом, годным и для стоянки военных судов, другие – о наложении на Одессу контрибуции как деньгами, так и – преимущественно – хлебом, необходимым для продовольствия флота; словом, предположений являлось чуть ли не столько, сколько было говоривших и споривших. Настоящей же причины никто не указывал, никак не предполагая возможности бомбардирования мирного торгового города, кормилица Европы.

Барон Сакен, не уставая, поспевал везде, где только предстояла в том необходимость, подготавливаясь к отражению неприятеля.

Многие, предчувствуя опасность от близкого соседства неприятеля, из предосторожности перебирались в части города, наиболее отдаленные от моря, и преимущественно – на Молдаванку³³. Туда же потянулись ряды подвод, нагруженных всяким имуществом.

ГЕНЕРАЛЬ-АДЪЮТАНТЪ
БАРОНЪ
Д. Е. ОСТЕНЬ-САКЕНЪ.
Командовавший въ 1854 г. войсками въ Бессарабию и въ Херсонской губ.,
по правому берегу р. Буга.

Администрацией также приняты были различные предупредительные меры в виду предстоящей опасности: 9-го апреля, на рассвете, контора государственного банка и казначейство были вывезены в Вознесенск, как пункт, находившийся вне всякой опасности, вследствие отдаленности от Одессы.

По наружности, однако, в городе все было покойно и особенной суеты не замечалось. Этому не противоречило и усиленное движение подвод на Молдаванку: в то время в Одессе были обычным явлением целые вереницы подвод (чумацкие «валки»), тянувшиеся по улицам, преимущественно с хлебом и шерстью. Пешеходу приходилось иногда довольно долго ожидать, пока преграждавшая ему путь «валка» проплетется до следующего квартала, – так как чумаки обыкновенно привязывали волов или лошадей к предыдущей подводе, – а таких повозок в «валке» бывало нередко до 50-70.

В соборе, между тем, совершался торжественный вынос плащаницы; все были настроены особенно благоговейно и усердно молились в виду предстоящих опасностей.

В это время вызван был из храма барон Сакен: его известили, что на берегу ожидает его парламентар с письмами от адмиралов Дундаса и Гамелена.

Обвиняя Сакена в том, что в ответе его по поводу инцидента 27-го марта «закрываются неверные лишь

показания для оправдания непростительного нападения». Адмиралы требовали, чтобы «все английские, французские и русские суда, стоящие... близ крепости или батарей одесских, были присоединены немедленно к союзным эскадрам... Если, при захождении солнца... не будет... ответа или получится ответ отрицательный, они найдут себя принужденными прибегнуть к силе для отмщения за оскорбление, нанесенное флагу одной из эскадр, хотя, по внушению

³¹ Гамелен, Фердинанд-Альфонтс – французский адмирал участвовал в обстреле Одессы, Севастополя.

³² Генерал Щеголев рассказывает о сильном впечатлении, произведенном флотами на наших солдатиков на батареях: «Эта грозная громада с поставленными на ней парусами была необыкновенно величественна»; солдаты, не видавшие ничего подобного, снимали шапки, крестились и говорили: «Это церкви плывут, да и с колокольнями» (Примечание Ленца).

³³ Молдаванка – предместье Одессы.

человеколюбия, им прискорбно будет принять сие последнее решение, возлагая ответственность в том на кого следует».

Барон Сакен не нашел, конечно, сообразным со своим достоинством отвечать что-либо на дерзкое письмо адмиралов.

Известие об этом тотчас же разнеслось по городу. Пошли различные толки.

Многие думали, то мы решительно не в состоянии сопротивляться неприятелю. Консула иностранных держав, узнав об угрозе адмиралов, обратились к барону Сакену, от имени одесских негоциантов, с просьбой пощадить мирных жителей и согласиться на требования неприятеля. Барон ответил, что это «несовместимо с достоинством России» и, пригласив к себе выдающихся иностранных негоциантов, повторил им то же самое. По словам генерала Щеголева, тогда говорил в городе, что опасаясь шпионства и измены, Остен-Сакен запер будто бы приглашенных у себя в кабинет, как заложников, а по окончании бомбардировки отпустил их³⁴.

К концу службы преосвященный уже был извещен о требовании адмиралов, и, со свойственным ему красноречием, упомянул об этом в своем слове к молящимся[...] проповедник говорил о лжесвидетельстве по поводу парламентарской лодки, о нежелании врагов узнать настоящую истину, о их старании изыскать какой-либо предлог для нападения на нас. На их условия, как на вопрос Пилата Спасителю, остается и нам ответить только – молчанием[...]

Весть о предстоящем нападении неприятеля, конечно, тотчас же разнеслась по городу, – тем более, что и полиции было предписано оповестить о том жителей. Поднялась общая суматоха. В виду короткого срока, назначенного для ответа (которого, как мы уже знаем, от Сакена вовсе не последовало), нечего было и думать о выезде из города, – да для большинства и не предстояло к тому возможности: где же было набрать для того достаточное число лошадей, экипажей и подвод? За перевозку извозчики, пользуясь случаем, конечно, требовали невозможные цены, – что, конечно, большинству было не по средствам.

Заметим, что Одесса в то время была уже городом почти со стотысячным населением: по официальным данным, в 1854 году в ней числилось 90.319 жителей (из них мужского пола 45.907 и женского 44.412); в этом числе евреев были 10.525 и караимов 128. На самом же деле жителей, конечно, было больше, так как многие не могли быть вполне точно зарегистрированы, – например, пришлые рабочие, матросы иностранных судов, и пр.

В то же время бароном Сакеном город был объявлен в военном положении³⁵.

При наступившей суете порядок в городе был образцовый. По улицам, начиная с вечера, ходили патрули конные и пешие: чуть не ежеминутно слышались бряцание сабель, топот лошадей и мерные шаги пехоты. На площадях везде расставлены были войска. Прохожих опрашивали обходы. Мало-мальски подозрительных лиц останавливали и даже арестовывали³⁶.

Всю эту ночь барон Сакен провел без сна на дачах Бель-Вю (Ланжерон) и Лидерса, наблюдая с башни, а потом и с батареи № 1 за неприятельским флотом.

XIII.

Заметные приготовления неприятеля к нападению на город ранним утром в Великую Субботу. Первые пушечные выстрелы совпадают с обхождением вокруг собора с плащаницей. Сакен испрашивает благословения преосвященного Иннокентия. Учащение выстрелов. Сильный ветер, вызванный стрельбой. Неприятельские снаряды не наносят особенного вреда городу. Причины этого. Жители начинают довольно спокойно относиться к своему положению. Мальчишки и рабочий люд. Церковные службы совершаются безостановочно. Страшный взрыв на батарее № 6 потрясает стены собора. Иннокентий успокаивает молящихся.

В Великую Субботу рано утром часов около 5 ½ – 6, я пошел в церковь при Стурдзовской больнице, как ближайшую к моей квартире (на Большой Арнаутской улице), приложиться к плащанице: в пятницу я не успел этого сделать вследствие суеты в доме и приготовлений к перевозке вещей на Молдаванку.

Взглянув на море, открывавшееся с Михайловской площади³⁷ на далекое пространство, я заметил какое-то особенное движение в неприятельском флоте; пароходы дымились и передвигались: очевидно, неприятель готовился к нападению на наш мирный город.

Возвратившись домой, я увидел, что экипаж моего хозяина и повозка, с необходимыми в хозяйстве предметами, были уже готовы к отправке на Молдаванку, – куда мы переселялись в квартиру одного знакомого, против Петропавловской церкви.

Это было совершенно кстати, – так как вскоре со стороны моря послышался непрерывный гул пушечных выстрелов; многие бросились к бульвару, желая узнать, что делается в гавани; более робкие оставались на Молдаванке, Слободке³⁸ и в других местах, подальше от моря.

³⁴ Со своей стороны, могу сообщить, что тогда же ходили настойчивые слухи о том, что из окон некоторых домов, обращенных фасадами к морю, ночью подавались неприятелю какие-то сигналы свечами и пр. (*Примечание Ленца*).

³⁵ Произнесено было впервые и слово *бомбардировка*, для многих, особенно из простонародья, не вполне понятное. По словам Л. А. («Московские ведомости»), один бондарь, услышав, что город будут *бондировать* (так произносилось простонародьем слово бомбардировать), и полагая, что это какой-нибудь акт, относящийся к ремеслу, явился к начальству с предложением своих безмездных услуг... (*Примечание Ленца*).

³⁶ Попытки к беспорядкам, впрочем, кое-какие были. Так, какой-то мясник громко выражал на рынке угрозу бить евреев, к тому же подговаривая и других. Узнав об этом, его привели в такое состояние, что он лишен был навсегда возможности исполнить свою похвальбу. Это, конечно, сразу отвлекло и других от всяких попыток в этом роде. Заметим, что в былое время в Одессе, чуть не ежегодно, на Пасху происходили жестокие драки, главным образом между матросами-греками и евреями, – конечно, не без участия и русских рабочих... (*Примечание Ленца*).

³⁷ Михайловская площадь – первое упоминание относится к 1843 г., существует в настоящее время.

При первых же выстрелах, на окраине города потянулся по Вознесенской дороге бесконечный ряд всевозможных экипажей – от щегольских колясок и фаэтонов до дедовских колымаг и немецких фургонов. Из них выглядывали испуганные детские личики, с тревожным любопытством всматривавшиеся в непривычную для них обстановку. Пугаясь частых выстрелов, – некоторые плакали навзрыд. Это был караван воспитанниц Одесского благородного института, перевозимых в Вознесенск, где приготовлено было для них помещение в Царском дворце на все время войны.

В то же время вокруг собора совершалось торжественное обхождение с плащаницей. Барон Сакен, по окончании этого трогательного обряда, приложившись к святыне, вновь испросил благословение архиепископа на предстоящее с неприятелем дело.

Выстрелы, между тем, все учащались. Часто, сливаясь в один продолжительный гул, они производили страшный грохот и сотрясение в воздухе. Вследствие этого поднялся сильный ветер, понесший из города на море целые облака пыли с наших тогдашних плохих мостовых.

Взобравшись на колокольню Петропавловской церкви, чтобы посмотреть, что делается на море, я решительно ничего не мог различить вследствие пыли, стоявшей столбом в воздухе. Пришлось отправиться к бульвару.

Нет, однако, худа без добра. Пыль эта в некотором отношении была для нас и полезна: она мешала верности прицелов неприятельских кораблей. Сильное волнение, раскачивая пароходы, с своей стороны, делало то же.

Стреляли в нас бомбами, ядрами и гранатами. Ближайшие к морю части города, конечно, более подвергались опасности. Кое-где начались и пожары, – например в доме Воронцова, на возвышенной части берега, над самым портом.

Несколько ядер и бомб упало даже за Соборной площадью. К счастью, особенного вреда они не причиняли. Направляясь с моря вверх, на наш высокий берег, они большей частью перелетали через дома, падая довольно далеко уже совершенно ослабевшими в полете. Кроме того, наши постройки из мягкого известняка свободно пропускали ядра сквозь стены, не разрушаясь при этом, а только продырявливаясь.

Заметив, что бомбардировка не так страшна, как ранее предполагалось, целые толпы любопытных устремились на бульвар, поближе к морю, чтобы удобнее следить за сражением.

Здесь же, во все время бомбардировки, находился генерал Сакен со своим штабом, отлучаясь только по временам на батареи.

Увидев в числе публики молодую даму, спокойно гулявшую по бульвару под руку с пожилым господином, барон, несколько удивленный такой смелостью, обратился к ней с вопросом:

- Неужели Вы, сударыня, не боитесь оставаться здесь?

- Разве я не русская? Отвечала вопросом же молодая дама.

Для некоторых, однако, любопытство окончилось очень печально: в то же почти время на бульваре, по левую сторону памятника Ришелье, убило ядром молодого человека, Стремецкого. Это заставило более осторожных возвратиться в город. Большинство же все-таки не оставляло этого удобного для наблюдения пункта и других береговых возвышений.

Дети улицы, мальчишки, Бог знает из каких частей города и предместий, набравшиеся на бульваре и лестнице, целыми толпами, с криками «ура!», бегали в перегонку за падавшими ядрами и приносили их барону Сакену и генералу Анненкову³⁹ (назначенному исправляющим должность генерал-губернатора и приехавшему в Одессу при самом начале бомбардировки). Дети получали за это небольшие подачки.

Множество рабочего люда, – к этому времени года обыкновенно приходившего из внутренних губерний на работы в наш город, – также с любопытством глазело на невиданное зрелище, преспокойно расположившись на высоком берегу, ниже архиерейского дома. По обычаю русского человека, они сначала только подсмеивались над неудачными выстрелами «нехристей», а потом пришло им в голову и желание выразить презрение «англичанину» в очень своеобразной и дикой форме: мужички стали тылом к неприятелю в самых странных и неприличных позах. Чопорный капитан-англичанин, наблюдавший в зрительную трубу происходящее на берегу, заинтересовался какой-то непонятной ему группой; но, пристально всмотревшись в нее, возмущен был до глубины души такой невежливостью «русских варваров». В досаде и негодовании он даже бросил на палубу злосчастную трубку. Об этом рассказывали потом наши лодочники, взятые в плен доблестным капитаном и находившиеся в то время на пароходе.

Таким образом особого страха бомбардировка не вызывала в большинстве одесского населения, ждавшего видеть разрушенные здания, тысячи убитых, целый город в пламени пожаров, – словом, все то, что приносит с собой война с сопровождающими ее ужасами и разорением.

В самый разгар бомбардировки, церковная служба в соборе продолжалась спокойно и благоговейно. Священнодействовал архиепископ Иннокентий с многочисленным духовенством. Выстрелы явственно слышались в храме, но мало кого смущали.

Но вот, под конец литургии, раздался страшный грохот, подобный раскатам грома во время сильнейших летних гроз. Казалось, что вот-вот рушатся самые своды храма и погребут под собой священнодействующих и молящихся. Паникадила зашатались от страшного сотрясения и зазвенели, стекла в куполе собора потрескались и посыпались на мраморный пол... Это был

³⁸ Слободка – предместье Одессы.

³⁹ Анненков, Николай Николаевич – исполнял обязанности генерал-губернатора Новороссийского края и Бессарабии(1854-1855), с правами командира отдельного корпуса.

взрыв пороховых ящиков на Щеголевской батарее, – причем поднялось громадное облако порохового дыму.

Молящиеся невольно дрогнули, испуг ясно выразился на всех лицах, но архиепископ был совершенно спокоен, – и, под влиянием стройно и благоговейно совершаемого им богослужения, общее смущение мало-по-малу исчезло – и молящиеся остались в храме...

Преосвященный в конце богослужения обратился, по обыкновению, к народу со словами ободрения и утешения[...]

XIV.

Последовательность бомбардирования. Движения неприятельских фрегатов к молам. Сигнал с 54-пушечного корабля начать бомбардирование. Баркасы. Большой калибр неприятельских орудий. Батареи №№ 4, 5 и 1. Батарея № 6 (Щеголевская). Посещение ее Сакеном. Отзыв его о Щеголеве. Карантинная гавань. Места, особенно подвергшиеся опасности. Повреждение неприятельских пароходов.

Перейдем теперь к подробностям самого бомбардирования⁴⁰. О расположении наших батарей и вооружении их говорилось выше.

В начале 7-го часа утра тронулись со своей линии винтовой 54-пушечный корабль и пароходо-фрегат. По сигналу с корабля, двинулись 8 пароходо-фрегатов: «Тигр», «Самсон», «Ретрибушен», «Фюриус», «Террибль» – английские и «Вобан», «Декарт», «Могадор» и «Катон» – французские. 5 из них шли впереди и 3 – за ними; потом присоединился к ним и девятый⁴¹.

В половине седьмого они стали в боевую позицию между батареями №№ 3 и 6, т. е. против бульвара, между Карантинным и Военным молами.

Вскоре началась пушечная пальба, попеременно, по всей линии. Первые выстрелы были сделаны по батарее № 6 пароходо-фрегатом «Тигром»; поворачиваясь бортами к молу, он произвел два залпа. После того открывалась общая канонада залпами с бортов остальных пароходов. Кроме того, неприятелем спущено было пять баркасов, действовавших конгревовыми ракетами⁴² по Практической гавани и батарее № 6. Вообще неприятель стрелял бомбами, ядрами, гранатами и книппелями⁴³ (последними – с целью рвать снасти судов, стоящих в гавани).

Вследствие большого калибра орудий, особенно 68 и 98-фунтовых пушек, неприятель мог забрасывать своими снарядами и батареи, и город, – находясь большей частью в безопасности, вне выстрелов наших малокалиберных старых чугунных пушек.

Мы же могли вредить неприятелю только в то время, когда пароходы его подходили ближе к батареям, находясь, вместе с тем, против самих амбразур, – чего он, видимо, старался избегать.

Батареи №№ 4 и 5, по отдаленности от неприятеля и вследствие малокалиберности пушек, очень мало принимали участия в сражении. Батарея же № 1, орудия которой были обращены к открытому морю, не могла действовать на залив.

Наиболее деятельная роль выпала на долю батареи № 6 (прапорщик Щеголев⁴⁴) и № 3 (поручик Волошинов) – на оконечностях Военного и Карантинного молов: пароходы подходили к ним ближе, чем к остальным. Стреляли они калеными ядрами – и так удачно, что на фрегате «Вобан», от выстрелов с Щеголевской батареи, начался пожар, и пароход на некоторое время должен был удалиться с поля битвы.

Вскоре на помощь неприятелю явился еще один (54-пушечный) фрегат, вооруженный 32-фунтовыми орудиями.

От выстрелов неприятеля по Карантинной гавани прежде всего потерпело английское судно, на котором ранен был матрос-повар, ирландец; затем разбит был и потоплен наш спасательный баркас и перебиты и разорваны снасти на судах в этой гавани. Во время учащенной стрельбы неприятеля по Карантинному молу, батарее № 3 и деревянному маяку в конце мола, нашими ядрами отбило корму у одного из неприятельских пароходов. После этого нападавшие отошли от № 3-го.

Карантинная гавань и ее батарея, наносившая также сильный вред врагам, подвергались, сравнительно, меньшему неприятельскому огню. Все же сила его потом сосредоточилась исключительно на № 6-м.

Заметив это, барон Сакен с начальником штаба (полковником Тетеревниковым) и адъютантами немедленно отправился на батарею, чтобы лично ознакомиться с положением дела и ободрить юношу командира. Об этом посещении барон сам потом так рассказывал одесситам: «Когда я в начале полного разгара боя прискакал на эту батарею, там на пространстве нескольких

⁴⁰ Последовательность его изложена нами главным образом по брошюре проф. К. Зеленецкого, который основывался на приказах бар. Остен-Сакена от 11 и 14 апреля за №№ 6 и 22 и показаниях офицеров, участвовавших в сражении: гг. Щеголева, Раецкого, Полякова, Волошинова и Винокурова. У г. Черемисинова есть некоторые несходства с нашим рассказом. (Примечание Ленца).

⁴¹ Линейные корабли в соединенном флоте были: английские – Британия (под флагом вице-адмирала Дундаса), Квин, Лондон, Родней, Трафальгар, Венженс, Беллерофон, Альбион, Аретуза и Агамемнон; французские – гор. Париж (под флагом вице-адмирала Гамелена), Юпитер, Вальми, Баярд, Генрих IV, Иена, Маренго, Фридланд и Шарлеман. Сообщение между флотом и бомбардировавшими пароходами поддерживали английские пароходы Гайфлаер и Санпарейль. (Примечание Ленца).

⁴² Конгревовая ракета – артиллерийский снаряд, назван по имени изобретателя английского инженера В. Конгрева.

⁴³ Книппель – артиллерийский снаряд.

⁴⁴ Замечательно, что у нас никак не предполагалось, чтобы неприятель мог избрать своей, почти исключительной, целью № 6. Поэтому накануне полковник Яновский лично приказал Щеголеву передать большую часть зарядов на № 5. Молодой прапорщик спросил, чем же он сам будет отстреливаться – и не передал ни одного заряда № 5. Оказалось, что он был вполне прав, послушавшись приказа. (ЛЕНЦ)

квадратных саженей [был] совершенный ад: пустотелые снаряды всех видов, перекрестно направленные на батарею, лопаясь непрерывно на и сзади батареи, напоминали батальонный огонь из ружей; Щеголев распоряжался с невозмутимым спокойствием, артиллеристы, служащие бессрочноотпускные и отставные, в рубахах, работали около орудий».

За продолжением боя Сакен, по-прежнему, наблюдал уже с бульвара, как самого удобного для того пункта.

Много ядер и бомб в дообеденное время падало в особенности на бульваре и на так называемое Греческое (часть города между Екатерининской и Почтовой улицами до Итальянской, нынешней Пушкинской), в дом и сад графа Воронцова, в дом Нарышкиной. В доме Воронцова загорелся сарай с сеном, а у Нарышкиной разорвавшаяся бомба произвела в одной из комнат страшное опустошение, и, как говорили, осколки ее попали в портрет известного английского адмирала Нельсона. Тогда же отбит был и угол пьедестала памятника Ришелье⁴⁵.

Таким образом англичане и французы почтили память своих славных соотечественников.

XV.

Действия батареи № 6. Благодарность Щеголеву от Сакена. Опасность на № 6 увеличивается. Неравномерность борьбы батареи с фрегатами. Подбитие орудий. Пожар на батарее и вокруг нее. Посещение № 6-го генерал-адъютантом Анненковым. Недоразумение, возникшее при этом. Подвиги студентов Деминитру, Скоробогатого и Поля. Гимназист Бодаревский.

Так как во все время сражения батарея № 6 очень успешно вела борьбу с противниками, осыпая их калеными ядрами, то, наконец, все девять неприятельских пароходов сосредоточили огонь исключительно против нее. Щеголев успешно отвечал им своими меткими выстрелами. Барон

А. П. Щеголев

Сакен, в восхищении от геройства молодого командира батареи, послал к нему штабс-капитана Веревкина благодарить храброго прапорщика и его команду.

Неприятельские фрегаты, во избежание опасности от меткой стрельбы этой батареи, в продолжение боя старались не оставаться на одном месте, а двигались мимо нее круговой цепью. Вследствие такого маневра Щеголев мог стрелять по ним только в те немногие моменты, когда они находились прямо против амбразур батареи.

Опасность для № 6 увеличилась еще от одного, невыгодного для нее обстоятельства: вследствие поднявшегося сильного юго-западного ветра, из моря нагнало так много воды, что глубина нашего залива значительно увеличилась, и неприятельские пароходы смело могли зайти даже за Потаповский и Андросовский молы. Этим они тотчас же и воспользовались, и начали действовать на батарею уже с тылу.

Для Щеголева это было невыгодно и опасно в двух отношениях: во-первых, неприятельские пароходы вышли из направления выстрелов – сперва двух, а потом и трех пушек его батареи, – так что под конец против неприятеля возможно было действовать только одной (левой) пушкой, – и во-вторых, батарея сделалась совершенно открытой для прицела неприятельских бомбических орудий.

Тогда страшно неравномерная, уже с самого начала боя, борьба перешла во что-то сказочно-невообразимое и ужасное: с одной старой чугунной заржавелой пушкой незначительного калибра пришлось бороться с 350-360-ю огромными бомбическими орудиями.

Неприятельские пароходы продолжали громить почти уничтоженную батарею залпами с бортов, проходя мимо нее поочередно, один за другим. Ядра, бомбы, кннпепеля и конгревовы ракеты сыпались градом на это злополучное место – и, конечно, производили страшный разгром. Землечерпательная машина, суда и пр. – все на моле и около него разрушалось или загоралось от неприятельских снарядов. Из двух иностранных судов (австрийского и турецкого) первое было сильно повреждено и затоплено, а второе совершенно сгорело. Удалось, однако, спасти казенные пароходы «Андию» с «Днепром» и Кинбурнский плавучий маяк: их успели затопить в гавани, сняв весь рангоут⁴⁶. При этом командир маяка, капитан Плеханов, был смертельно ранен.

Тут еще новое бедствие обрушилось на многострадальную батарею: через $\frac{3}{4}$ часа ужасной и непосильной борьбы подбито было орудие на правом фланге батареи, – при чем убило и солдата. Пушку эту тотчас же заклепали. Непосредственно затем загорелся склад сухого лаврового листа, невдалеке от порохового погреба, и сарай пароходной компании. В первое время пожар в сарае удавалось несколько раз тушить, поливая помпами; но потом оказалось, что огонь все-таки понемногу тлел внутри, не заметный снаружи. Наконец разрушена была ядрокалильная печь, –

⁴⁵ Памятник Ришелье – одесскому градоначальнику(с 1803), генерал-губернатору Новороссийского края(1805-1814); установлен на Приморском бульваре(1828).

⁴⁶ Рангоут – на парусном флоте наименование всех деревянных частей парусного вооружения судна.

вследствие чего должна была прекратиться стрельба калеными ядрами, так опасная для неприятельских судов, – и пришлось стрелять только холодными.

Видя № 6 в безысходно-опасном положении, генерал-адъютант Анненков, в сопровождении генерала Корвинского⁴⁷, отправился туда по лестнице с бульвара, чтобы сделать различные распоряжения относительно казенного имущества.

При этом посещении, по словам генерала Щеголева, произошло следующее: «Прибыв на батарею и не видя меня около орудий, генерал-адъютант Анненков пришел в недоумение. У него даже зародилась нехорошая мысль относительно меня; но, услышав мой командный голос из-за бруствера левого фланга, он убедился, что я, стоя впереди батареи на берме, совершенно открыто, под выстрелами эскадры, наблюдаю за полетом и падением наших снарядов и, сообщая громко результаты прислуге, поправлял наводчиков. Он обнял меня, расцеловал, восторженно благодарил за примерное мужество и, узнав о недостатке зарядов, отправил нарочного за ними».

Снаряды, конечно, расходовались на батарее в огромном количестве, – почему и раньше уже чувствовался в них большой недостаток.

В этом случае много помогали делу студенты Ришельевского лицея Деминитру и Скоробогатый. Они два раза приносили с батареи известия барону Сакену. Кроме них, тогда же отличился отвагою студент Горыгорецкого института⁴⁸ Поль: когда крестьянин-погонщик, везший на волах заряды на батарею № 6, в ужасе от непрерывно падающих ядер, бежал, то Поль сел на телегу и, осыпаясь бомбами и ядрами, преспокойно довез заряды к месту их назначения.

Необходимо прибавить, что прислуга на наших батареях с раннего утра ничего не ела и не пила. Нашлось, однако, много добрых людей, которые развозили по батареям и в другие места стоянки войск (на площадях, улицах и проч.) воду, хлеб, щи, водку, квас, мясо, куличи и проч. Особенно много делали в этом отношении старинные коренные одесские купцы Ив. и Андр. Посоховы; а ученик 2-й одесской гимназии Иван Бодаревский, несмотря на выстрелы неприятеля, во время самой бомбардировки, неумоимо носил воду и съестные припасы на наши батареи.

XVI.

Подмога неприятелю. Записка Сакена Щеголеву. Посылка на батарею № 6 преемника Щеголеву. Усиление пожара на батарее и молу. Вторая записка к Щеголеву от Сакена. Присылка на № 6 новой прислуги. Приближение пожара к зарядным ящикам. Трудность пробраться с батарее. Взрыв пороховых ящиков. Стройный переход Щеголева с командой на батарею № 5. Приглашение его с прислужгой батарее к Сакену. Положение Щеголева.

Около 11 часов дня на подмогу к союзным эскадрам подошел еще 84-пушечный винтовой линейный корабль. Тогда непрерывная неприятельская пальба превратилась в один бесконечный гул и гром.

Щеголев по-прежнему неумоимо и стойко отвечал на неприятельские выстрелы.

В это время барон Сакен, зорко наблюдавший за ходом дела с бульвара, отправил юношегерою записку: «От имени корпусного командира храброму прапорщику Щеголеву – спасибо. Майор Гротгус».

Канонада против № 6, между тем настолько усилилась, что казалось совершенно невозможным кому-либо выйти живым из этого ада. Сам неприятель поражен был такой необыкновенной стойкостью батареи. По свидетельству наших пленных шкиперов на неприятельских пароходах, союзники были твердо уверены, что люди на батарее прикованы к пушкам цепями.

В виду страшной опасности, на батарею № 6 генерал-майором Майделем⁴⁹ был уже послан и преемник Щеголеву, на случай его смерти (прапорщик Ильяшевич). Заряды вследствие непрерывной стрельбы были опять израсходованы, но, к счастью, новый запас их был доставлен на батарею, под сильнейшим неприятельским огнем, прапорщиком Дудуровым.

В половине первого на Военном молу почти все запылало – и на самой батарее и вокруг нее. Горели стоявшие у мола суда, сарай паровой компании, мерлоны, почти разрушенные неприятельскими снарядами; верхние бревна их пришлось стаскивать гандшпигами под выстрелами и бросать в море, чтобы не мешать стрельбе, продолжая сражаться с неприятелем единственным, еще действующим, орудием. Щеголев, однако, продолжал свое трудное и опасное дело. Его при этом очень ободряло то, что стрельба наша была чрезвычайно удачна.

Генерал Сакен вновь послал ему уже собственноручную записку: «Храброму, спокойному и распорядительному Щеголеву – спасибо. Генерал-адъютант барон Остен – Сакен. 10 апреля 1854 г., 12 ½ по полудни. 6 часов вижу».

В это трудное и опасное время прислана была на батарею и новая прислуга: предполагали, что прежняя или переранена или перебита. К удивлению, оказалось, однако, что все на батарее были до того времени целы и невредимы. Только впоследствии, при разрыве неприятельской бомбы, один солдат был ранен, а другой контужен.

Пожар, между тем, все усиливался: загорелись сваи мола (деревянные); сарай окончательно запылал от разорвавшейся в нем бомбы; вспыхнула также присяжная будка, и огонь стал быстро приближаться к зарядным ящикам, которых некуда было передвинуть, – так как все уже было в огне...

⁴⁷ О генерале Корвинском информации обнаружить не удалось.

⁴⁸ Горыгорецкий институт – земледельческий институт, находился в м. Горки Могилевской губернии.

⁴⁹ Майдель – генерал-майор, участник штурма Карса.

И вот тогда только, по невозможности оставаться в пламени разрушенной и горевшей батарее, окруженной общим пожаром на молу, Щеголев решил оставить № 6, – но еще в последний раз все-таки выстрелил в неприятеля.

Пламя в это время так разрослось и распространилось по всей оконечности Военного мола, что большинству батарейных солдат пришлось выскакивать через амбразуры и под самыми выстрелами неприятеля обходить батарею с наружной стороны. Другого выхода не было: позади батареи все пылало.

Щеголев с командой, полуобгоревшие, измученные до изнеможения, едва успели отойти не более пятнадцати шагов от батареи, как взорвало пороховые ящики; – но, к счастью, при том никто не пострадал. Вследствие этого взрыва даже в городе, далеко от батареи, почувствовалось страшное сотрясение (о чем мы говорили выше), – в особенности же в соборе, вследствие открытой со всех сторон площади.

Hourra, vivie l'Empereur! Раздалось с неприятельских парокходов при взрыве на батарее.

Щеголев, построив команду во фронт, с барабанным боем направился на батарею № 5, – по данному заранее приказу: людям со сбита батарее переходить на соседнюю.

Сакен, однако, послал пригласить Щеголева с командой к себе, на бульвар. Здесь барон расцеловал молодого героя и поздравил нижних чинов, отличившихся на батарее, кавалерами знака военного ордена.

На вопросы Сакена Щеголев, закоптелый, испачканный, облитый потом, почти не мог отвечать: он совершенно оглох от грома орудий и совершенно обессилел. Не имея во рту ни крохи хлеба, ни капли воды с 5-ти часов утра, находясь все это время в страшном физическом и душевном напряжении. Только, несколько отдохнув, он мало помалу мог прийти в состояние давать краткие ответы.

XVII.

Временное прекращение стрельбы неприятелем. Распоряжения генералов Сакена и Анненкова. Возобновление бомбардирования в 2 ½ часа по полудни. Дело батареи №1. Нападение неприятеля на наш левый фланг. Попытка к десанту на Пересыпь. Отражение его. Пожар на Пересыпи. Архиепископ Иннокентий. Окончание бомбардировки в Великую Субботу.

После взрыва на Военном молу неприятель стал стрелять реже, и наконец временно прекратил пальбу. Этим воспользовались Сакен и Анненков, чтобы отправиться для необходимых распоряжений: первый – по батареям и войсковым позициям, второй – по городу вообще и Пересыпи.

В 2 ½ часа, – вероятно, подкрепившись обедом, – неприятель возобновил бомбардировку одновременно на правом и левом фланге.

Кроме бомб и ядер с парокходов, неприятельские баркасы стали метать в город и конгревовы ракеты.

Перейдем к делам на других батареях, кроме Щеголевской.

Около 10-го часа большой неприятельский фрегат «Аретуза», отделившись от эскадры, открыл пальбу по батарее № 1, но был встречен ею и № 2 и 3 сильным огнем. В особенности страшно вредила «Аретузе» батарея № 1, с береговой высоты. Продержавшись минут 40, фрегат принужден был отойти в линию, послав целый град бомб и гранат на дачу Лидерса и в город, к стороне Архангело-Михайловского монастыря. На «Аретузе» во время этого боя повреждена была палуба и разбит один из баркасов.

Неприятель, однако, не унимался: в три часа началось его энергичное наступление на наш левый фланг.

В виду предполагаемой попытки к десанту на Пересыпь, туда перевезено было по старому Херсонскому спуску, мимо больницы (движение по Нарышкинскому спуску с парокходов могло быть замечено), несколько пушек, под прикрытием отряда из пехоты и кавалерии. Войска поставлены были в засаде, около Пересыпской церкви.

Предположения относительно десанта вполне оправдались. Так как действиям неприятеля не могла уже мешать замолкнувшая батарея № 6, обстреливавшая до того Пересыпь, то он и попытается высадить десант на низменный берег этого предместья. И вот – в полуверсте от берега остановилось десять неприятельских баркасов, а 8 поплыло к Пересыпи.

Когда последние подошли к берегу приблизительно на картечный выстрел (около 150 сажень), то выдвинутые нами из засады четыре орудия открыли учащенную пальбу по баркасам. Действия наших пушек картечью были очень удачны. Неприятель пришел в полнейшее смятение. Много матросов было ранено. Некоторые из баркасов были сильно повреждены, – так что матросам пришлось перепрыгивать с одного на другой, – при чем многие падали в воду. Один же баркас был нами совершенно потоплен. Словом, неприятель потерпел полное поражение.

Баркасы бросились спасаться к парокходам, но наши ядра и гранаты, пущенные вдогонку, продолжали сильно вредить неприятелю. Когда лодки были уже в безопасности, у самых кораблей, то парокходы стали сильно стрелять по предместью (Пересыпи) бомбическими и простыми орудиями и метать конгревовы ракеты. При этом на Пересыпской батарее подбито было два лафета, ранено два солдата и убито четыре лошади.

В виду этого, а также вследствие небольшого калибра наших полевых орудий, сравнительно с неприятельскими, пушки наши были сняты с позиции. Две из них оставались, однако, в засаде, – в виду возможности повторения попытки к десанту.

Неприятельскими снарядами вскоре зажжен был сарай с солью. Вследствие обилия различного горючего материала (дерева и пр.) пожар быстро распространился на соседние здания, и загорелось шесть домов. Жители от страха разбежались, оставив свое имущество на произвол судьбы.

Пальба по Пересыпи продолжалась до половины четвертого. После этого неприятель стал стрелять уже и в город, по направлению к Новому базару.

Архиепископ Иннокентий, после церковной службы, все время оставался в архиерейском доме, близ моря, на возвышенности, представлявшей очень удобный пункт для наблюдения.

Когда же, по окончании бомбардировки Пересыпи, ядра и бомбы стали падать и в город, то преосвященный поехал для осмотра Сретенской церкви, находившейся в большой опасности вследствие близости к морю, затем – в собор, Архангело-Михайловский монастырь, с девичьим при нем училищем, и в больницу сердобольных сестер (Стурдзовскую). Оказалось, что ни один из храмов от бомбардировки не пострадал.

Ко времени захождения солнца, в половине седьмого, бомбардирование наконец совершенно прекратилось. Пароходы отошли к эскадре. Только один из них оставлен был, вероятно, для наблюдения за гаванью, побережьем и Пересыпью.

XVIII.

Осмотр батарей генералами Сакеном и Анненковым. Сооружение новой батареи на Пересыпи. Пожары. Охотники оберегают берег от десанта неприятеля. Пасхальная служба в соборе. Слово архиепископа Иннокентия. Ночные работы на батареях. Нападение неприятеля в 1-й день Пасхи. Отбитие «Фюри». Новое слово преосвященного Иннокентия.

При наступлении ночи, генералы Сакен и Анненков отправились на батареи и Пересыпское побережье. Сделав везде необходимые распоряжения, они, вместе с тем, выбрали на Пересыпи место, удобное для батареи, к сооружению которой тотчас же и было приступлено. Затем генералы, со свитой, осматривали город и побережье, делая везде необходимые указания.

Ночь освещалась пожарами: горели Практическая гавань, огражденная деревянными сваями, суда, находящиеся в ней, и дома на Пересыпи.

В это время многие из одесситов, опасаясь ночного десанта, вооружились охотничьими ружьями и холодным оружием и засели на приморских дачах, почти сплошь до Большого Фонтана, проводя всю ночь в усиленном наблюдении за неприятелем. Конечно, сделано это было в подмогу военному ведомству. Опасения, к счастью, не оправдались: неприятель не решился на новый десант.

Наступал и день великого христианского «праздника праздников». Уже с 8-ми часов вечера Великой Субботы началось во всех церквах чтение Апостольских деяний, а ровно в полночь – служба Светлого Воскресения. Вокруг собора, по обыкновению, горели смоляные бочки; карнизы храмов, колокольни и купола были украшены плоскими. Зарево от освещения было принято неприятелем за пожары в городе.

Пасхальная служба совершалась с особенной торжественностью; в церквах, по обыкновению, было множество молящихся в этот великий христианский праздник. Толпы сменялись одна за другой.

По окончании литургии архиепископ Иннокентий произнес трогательное слово, применительно к обстоятельствам дня[...]

Мы уже сказали, что [...] Иннокентий пользовался всяким случаем, чтобы направить своих слушателей к желаемой ему цели: так и в данное время он замечательно ободрил многих из нас своим словом, – и мы вышли из храма и утешенные, и воскресшие духом.

Несмотря на великий христианский праздник, всю ночь, с 10 на 11 апреля, на батареях кипела работа по переустройству прежних и возведению новых укреплений. При этом законченная центральная батарея (Луиджи Мокки), как самый главный центр обороны, поручена была герою Щеголеву.

Союзники не хотели оставить нас в покое даже и в самый день Светлого Воскресения, – что еще лишний раз показывает их полнейшее неуважение к религиозному чувству противника.

В этот день, часов около пяти утра, совершенно неожиданно выступил из линии неприятельский пароходо-фрегат. Он быстро направился вглубь Одесского залива, сделав два выстрела по Практической гавани и сгоревшей батарее № 6, а затем открыл огонь по заканчивавшимся работам на Пересыпской батарее.

Мы, в свою очередь, встретили «Фюри» холодными и калеными ядрами; при чем с батареи № 4 угостили его и бомбою, угодившей в корму фрегата. После этого «Фюри» принужден был удалиться к эскадре так же быстро, как раньше ринулся в бой.

Затем других попыток со стороны союзников ни в этот, ни в следующие дни уже не было: пыл их, как видно, очень охладился.

XIX.

Одесса начинает успокаиваться. Прodelки менял. Музыка на бульваре. Похороны на неприятельском фрегате. Дундас Сакену относительно захваченных в плен наших подочников. Уход неприятельского флота.

Праздничное настроение взяло, однако, свое: население мало помалу успокоилось. Пережитые опасности как-то стусевались сами собой перед обычным христианским чувством русского человека в радостные дни Светлого праздника.

С самого утра Одесса уже приняла спокойно-веселый вид. Целые толпы гуляющих виднелись по улицам и на бульваре. С любопытством осматривались кое-какие повреждения в городе от бомбардировки. Гуляющие передавали друг другу различные эпизоды прошедшего дня.

В Практической гавани еще горели некоторые суда и самые молы, облицованные сваями из бревен, плотно прилегающих одно к другому. На батареях, конечно, по-прежнему оставались воинские команды, наблюдая за неприятелем.

Осмотревши по возможности следы бомбардировки на некоторых домах (замечу, очень незначительные), я спустился по бульварной лестнице к батареям, а оттуда и на Шеголевский мол, весь покрытый дымом от громадного пожара. Оттуда отправился на Ришельевскую улицу в известную в то время кондитерскую Кёля. Привлекала она посетителей не столько превосходными печеньями, кофе, шоколадом и пр., сколько множеством русских и иностранных газет и иллюстрированных изданий. За чашкой кофе можно было ознакомиться с последними политическими новостями, которые, по случаю войны, всех особенно интересовали, – тем более, что единственная в то время местная газета (Одесский Вестник) сама почерпала, по условиям цензуры, военные сведения из столичных газет.

И вот здесь-то мне пришлось натолкнуться на одно из неприятных последствий тревожного состояния города, попав в довольно неловкое положение. Расплачиваясь, я дал кондитеру какой-то кредитный билет.

- В городе совершенно не имеется мелких денег, а вы даете мне бумажку. Какую же я могу вам дать сдачу? Ведь всякому известно, что размен денег теперь не возможен.

К сожалению, я то и не принадлежал к этим «всем», – потому что жил не собственным хозяйством, а занимал квартиру со столом в доме одного чиновника. Мне еле-еле удалось сговориться с требовательным хозяином кондитерской – на почве взаимных уступок.

Действительно, оказалось, что евреи-менялы, как народ практический и предусмотрительный, постарались уже при самом начале тревожного времени в Одессе захватить в свои руки почти все мелкое серебро и медные деньги, имевшиеся в казначействе и банке. Сделавшись таким образом единственными обладателями мелких денег, они за размен требовали невозможные проценты. И волей неволей приходилось, конечно, платить, сколько требовали менялы, так как ни казначейства, ни отделения государственного банка в городе не было, – да и во всяком случае в праздничное время они были бы закрыты⁵⁰.

В 1-й день Светлого праздника и в следующие дни на бульваре играла даже музыка, – звуки которой, конечно, доносились до неприятельских кораблей. Флот, однако, стоял спокойно, – что вызывало общее недоумение и даже некоторое опасение, – не кроется ли в этом какой-либо хитрый умысел.

Во второй полупущенные флаги на кораблях свидетельствовали, что хоронили одного из высших офицеров. По показанию наших шкиперов, это был кто-то из состава служащих на корабле «Фюри», смертельно раненный в Великую Субботу или же в день Пасхи.

Наконец в среду, 14 апреля, получено было уведомление от вице-адмирала Дундаса, что, не желая удерживать долее, чем было необходимо, захваченных в плен русских купеческих матросов (всего 49 человек), он передал их для доставления в Одессу австрийскому судну.

Затем соединенные флоты оставили Одесский залив. Куда они направились, оставалось до времени неизвестным, но второй половине апреля они уже крейсировали перед Севастополем. С уходом неприятеля одесская жизнь вступила в свою обычную колею.

XX.

Парадный прием у Сакена. Иностранные консула. Семья Риго. Молебен на Михайловской площади по случаю ухода флотов. Слово Иннокентия. Парадное прохождение войск. 17-е апреля. Обед Сакену.

15-го апреля, поутру, был парадный прием у барона Остен-Сакена. К нему собрались военные и гражданские чины, купечество и иностранные консула – принести поздравление с успешным окончанием осады Одессы и, вместе с тем, благодарить за блистательную оборону города и сохранение в нем в смутное время полнейшего порядка.

При этом, многими выражалось и негодование на неприятеля по поводу нападения его на мирный город. В примере всеобщих чувств, даже иностранцев, проживающих в Одессе, барон доставил поступившее к нему прошение французско-подданного Риго и жены его, великобританской подданной, которые, быв очевидцами столь коварных и постыдных, по их выражению, поступков французов и англичан, и чуждаясь оставаться затем в подданстве Франции и Англии, просили о дозволен выполнении присягу на подданство России, что и было разрешено генерал-адъютантом бароном Остен-Сакеном.

После литургии в Архангело-Михайловском монастыре, архиепископ Иннокентий, по обыкновению, произнес красноречивое слово, в котором, между прочим, указал на значение Одессы в среде русских городов, приобретенное ею стойким отражением врагов: «Как опасность и

⁵⁰ Злоупотребления менял повторялись и позднее. Когда мне, почти при подобных обстоятельствах (неприятельский флот стоял также перед Одессой в октябре 1854 г.), пришлось выехать из Одессы в Екатеринославль, – а для дороги, конечно необходимо иметь всякую мелочь, – то я за 25 рублевый билет получил от менялы мелкими бумажками и серебряной монетой всего что-то около 21–22 рублей (*Примечание Ленца*).

бедствие постигли первых из нас, то за первыми нами последует честь и слава [...] честь и слава Одессе! Она поступила, как следовало поступить русскому городу, подала для всех прекрасный пример любви к отечеству, – показала, как можно и с малыми средствами стоять и устоять против всех сил вражьи [...]. Отныне город наш займет место в числе достоуважаемых городов земли отечественной. Как Киев, Новгород, Владимир, Смоленск – имеют каждый какой-либо приснопамятный год своей славы: так Одесса будет иметь навсегда свой славный год 1854-й!».

Войска, в составе двух полков улан, жандармской команды 3-го пехотного корпуса, двух сотен дунайских казаков, 16 батальонов пехоты и 6 батарей конной и пешей артиллерии, выстроились на крепостной эспланаде, фронтом к упраздненной крепости, правым флангом к монастырю и левым к побережью. Перед войсками, на возвышении, устроен был аналой для богослужения. По окончании литургии, процессия направилась к аналою, в предшествии креста и хоругвей, с церковным пением и военной музыкой. Тут были и военные и гражданские чины, консула, купечество, граждане. По мере прохождения процессии мимо войск, к ней присоединялись их штандарты и знамена, которыми и был окружен аналой.

Было нечто высокаторжественное, величественно-поразительное, когда все эти тысячи войск и народа, коленопреклоненные, благодарили и славилы Бога за свое спасение. При провозглашении многолетия Государю и Царствующему Дому раздались выстрелы на всех батареях и общее «ура» войск и народа.

По окончании молебна, архиепископ обходил войска, кропя их святой водой и вручая по освященной просфоре каждому полку и батарее. Музыка в это время играла и певчие пели «Коль славен наш Господь в Сионе», а затем раздался народный гимн. После этого начался церемониальный марш 18-тысячного войска перед военным начальством.

В то же время совершено было молебенствие и в римско-католической церкви.

17-го апреля праздновался высокаторжественный день рождения Государя Цесаревича. Город, по обыкновению, был иллюминирован. А в театре, в первый раз после Великого поста, была поставлена итальянская опера.

22-го, во вторник, город чествовал в клубе барона Сакена обедом.

XXI.

Высочайшая грамота 26 апреля одесскому населению. Обнародование ее 9-го мая. Слово Иннокентия. Передача грамоты Анненкову. Шествие процессии с грамотой. Чтение ее исполняющим должность генерал-губернатора у памятника Ришелье. Благодарственное молебенствие. Передача грамоты Крузенштерну⁵¹. Вторичное чтение грамоты. Вручение ее городскому голове. Угощение войск и завтрак для духовенства, генералитета и почетных лиц. Тосты. Постановление купеческого общества о трех стипендиях.

9-го мая была обнародована Высочайшая грамота от 26-го апреля о Монаршем благоволении Одессе следующего содержания:

«Жителям Нашего любезно-верного города Одессы.

Английский и Французский флоты, войдя в Черное море, устремились, тому несколько дней, на мирный и открытый Европейской торговле город Одессу.

Генерал-адъютант барон Остен-Сакен, свидетельствуя о блистательном мужестве, с которым покушения неприятеля отражены были военной силой, довел также до Нашего сведения, что среди угрожавшей жителям опасности, внутреннее спокойствие соблюдалось ими без малейшего нарушения, и что они с примерным усердием исполняли все распоряжения местных властей. Сознание долга, указываемого святой Верой и преданностью к Престолу, одушевляет, к искреннему утешению Нашему, всех любезных Нам верноподданных. В Одессе же достохвальное чувство это явилось в полном развитии под громом неприятельских орудий.

Твердость и самоотвержение жителей сего города не могли не обратить на себя Нашего внимания, а Нам приятно изъявить всем сословиям оно по этому случаю особенное Наше благоволение».

На подлинной собственной Его Императорского Величества рукой написано: «НИКОЛАЙ». С.-Петербург, 26-го Апреля 1854 года.

Торжество обнародования происходило в следующем порядке.

Перед началом литургии, в день святителя Николая, в 10 часов утра, грамота была внесена в Преображенский собор генерал-адъютантом Сакеном и возложена на приготовленный аналой.

Литургию совершал архиепископ Иннокентий. В храме присутствовали в это время начальствующие лица Одессы, чиновники, иностранные консулы, почетное купечество; толпы народа стояли и вокруг церкви, занимая всю Соборную площадь...

По окончании богослужения, генерал-адъютант Сакен передал Царскую грамоту исправляющему должность Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора генерал-адъютанту Анненкову 2-му, который, в торжественном ходе, нес ее на Екатерининскую площадь к памятнику Ришелье.

Торжественную процессию открывали знаменитые и штандартные взводы находящихся в Одессе войск, отряды пограничной стражи и карантинного батальона. Затем шли воспитанники приютов и всех учебных заведений, представители мещанского и купеческого сословий: цеховые старшины – со своими знаками и булавами, городской голова – с городским знаменем, члены думы – с Высочайшими грамотами, разновременно пожалованными городу, и с турецким знаменем, дарованным Одессе в войну 1828 г.; за ними – губернский и уездный предводители дворянства с

⁵¹ Крузенштерн, Николай Иванович – одесский военный губернатор в период Крымской войны

дворянами и гражданские чиновники всех ведомств. Затем следовало духовенство в белых ризах, со святыми иконами и с хоругвями, имея во главе преосвященного архиепископа Иннокентия. Вслед за ним генерал-адъютант Анненков нес Высочайшую грамоту, за которой следовали барон Остен-Сакен, одесский военный губернатор, генералитет, иностранные консулы и почетные лица. Шествие заключалось конным взводом Новомиргородского уланского полка.

Через Соборную площадь процессия, по Дерибасовской и Екатерининской площади, двинулась к бульвару, в сопровождении бесчисленной толпы народа, покрывавшей улицы и площадь; балконы и кровли домов были унизаны зрителями по всему пути шествия процессии.

Войска остановились на площади, а духовенство прошло к амвону, устроенному между памятником Ришелье и бульварной лестницей и окруженному хоругвями, знаменами и штандартами.

Генерал-адъютант Анненков, пред памятником Ришелье, прочел громким голосом Высочайшую грамоту и возложил ее на аналой. Затем архиепископом с духовенством совершенно было благодарственное молебствие за дарованную Одессе Царскую милость, с возгласением многолетия Государю Императору и всему Царскому Дому, победоносному воинству и жителям Одессы, при чем с береговых батарей раздавался троекратный залп пушек; громогласное «ура!» войск и народа разнеслось по всей площади, а музыка исполнила народный гимн.

Затем между рядами войск, выстроившимися шпалерами на протяжении бульвара, члены купеческого и мещанского сословий перешли к зданию думы. Генерал-адъютант Анненков передал Высочайшую грамоту одесскому военному губернатору генерал-лейтенанту Крузенштерну, которым она и перенесена была, в торжественном шествии, в прежнем порядке, по бульвару, к зданию думы.

Здесь он встречен был, у колонн здания, городским головой и членами думы. Взошедши на перестиль, генерал-лейтенант Крузенштерн прочел вторично грамоту, и снова раздавалось общее «ура!».

Затем грамота была передана губернатором, для внесения в думу и хранения на вечные времена, городскому голове Кортацци, который, выражая чувства всех жителей Одессы, просил губернатора повергнуть к стопам Государя глубочайшую и беспредельную благодарность всех верноподданных Его – жителей Одессы – за высокое Монаршее благоволение.

По окончании торжества, войска были уощены на биржевой площади, а для духовенства, генералитета и других почетных лиц приготовлен был завтрак на перестиле здания думы.

Завтрак сопровождался, конечно, множеством тостов, из которых замечательнейшими были: за Императора и генерал-адъютанта Остен-Сакена. Барон провозгласил первый в таких словах: «За здравие и благоденствие нашего славного Государя, благороднейшего из витязей всех времен!». Когда генерал-адъютант Анненков, поздравив военного губернатора и жителей Одессы с высокой Монаршей милостью, предложил тост за благоденствие города и его жителей, то городской голова Кортацци, благодаря за тост от имени Одессы, воспользовался случаем «публично выразить чувства глубокой признательности и искренней привязанности всех сословий города к барону Остен-Сакену, за благотворные и энергические меры, принятые им к спасению города, во время грозного неприятельского нападения»; при этом усердно благодарил и главных сотрудников барона в тяжкие для Одессы дни – генералов Анненкова и Крузенштерна.

Перед окончанием завтрака, военный губернатор вручил исправляющему должность генерал-губернатора прошение одесского купечества о посильном пожертвовании в ознаменование этого счастливого дня. Генерал Анненков, прочитав прошение, поздравил одесское купечество с истинно-патриотическими чувствами, его одушевляющими, и передал этот документ барону Остен-Сакену, с просьбой о поднесении его на Высочайшее воззрение.

Купеческое общество положило иметь на своем содержании из детей обывателей г. Одессы двух учеников, – одного в гимназии, состоящей при Ришельевском лицее, другого – в самом лицее, и одного из евреев – в частном пансионе, которые, по всемилостивейшему соизволению, будут именоваться «Николаевскими». Кроме того, в ознаменование того же 9-го мая, купечество устроило на свой счет телеграф от Одессы до Очакова.

К сожалению, был ли предложен тост за героя Щеголева, мы не знаем: в исчислении тостов его имени не встречается!

XXII.

Лица, особенно отличившиеся во время бомбардировки. Барон Остен-Сакен, архиепископ Иннокентий и прапорщик Щеголев. Краткие сведения о них. Награды им. Грамота генералу Сакену, рескрипт архиепископу Иннокентию, чины и ордена Щеголеву; рескрипт ему от Наследника Цесаревича, приказ генерала Сакена, портреты Щеголева в военно-учебных заведениях и имя его на мраморной доске в Дворянском полку. Награды прислуге на Щеголевской и других батареях, нижним чинам дивизиона, отбившего десант неприятеля, и всем прочим войскам. Награды студентам Ришельевского лицея Деминитру и Скоробогатову, Горыгорецкого института Полю и ученику Одесской 2-й гимназии Бодаревскому.

Остается сказать хотя по несколько слов о главных лицах, способствовавших успешному отражению неприятеля от беззащитной Одессы. Такими лицами мы считаем, прежде всего, барона Остен-Сакена, архиепископа Иннокентия и прапорщика Щеголева.

Один из членов совершенно обрусевшей немецкой фамилии, барон Дмитрий Ерофеевич Остен-Сакен, был уже известным заслуженным боевым генералом перед назначением его в Одессу. Начав службу с 1804 года, он участвовал во всех войнах первой половины прошлого

столетия и всегда и везде выделялся своею выдающейся храбростью: Бауцен, Дрезден, Кульм, Лейпциг, Фер-Шампенуаз, Париж, Кавказ, Турция, Венгрия – все это было для него прекрасной и блестящей боевой школой. К этому нужно прибавить, что барон был очень религиозен, о чем и до сих пор ходит много характеристических рассказов, а под конец жизни он весь погрузился в религиозный мистицизм.

Архиепископ Иннокентий, принадлежащий к самым знаменитым нашим церковным ораторам, был в то же время человеком многосторонним, которого, помимо богословия, интересовали все отрасли знаний, социальные вопросы и военное дело. В Одессе, во время бомбардировки, и в Севастополе, в ту же Крымскую войну, он заявил себя и неустранимостью в опасностях и умением одушевлять и ободрять на поле битвы [...]

О Сакене и Иннокентии ходил в то время рассказ, очень рельефно характеризующий этих двух деятелей.

Фельдъегерю, присланному из Петербурга в Одессу с различными распоряжениями, сказали, что не могут теперь же доложить о нем барону, потому что генерал еще не окончил молиться. Таким образом фельдъегерю пришлось довольно долго ожидать приема, – по окончании которого он тотчас же отправился к преосвященному Иннокентию.

Там его сейчас же приняли. Владыку застал он в кабинете за письменным столом, на котором была карта Балканского полуострова и южной России, а рядом лежал небольшой пистолет. Дело в том, что один из малолетних архиерейских певчих, резвясь в саду, под окнами кабинета Иннокентия, нечаянно выстрелил из игрушки-пистолета, который у него был, конечно, отобран и принесен к преосвященному.

«Приехал я к командующему войсками, говорил фельдъегерь, – и нашел архиерея; приехал к архиерею – и нашел главнокомандующего».

На сколько верен этот рассказ, мы не беремся решить, но во всяком случае *se non e vero, e ben trovato*.

Молодой герой, Александр Петрович Щеголев, родился 30 июля 1832 г. (следовательно, в знаменательный день бомбардировки 10-го апреля 1854 г. ему был всего 21 год с небольшим), из московских дворян, воспитывался в Дворянском полку⁵². Службу начал 13 апреля 1852 г. прапорщиком 2-й артиллерийской бригады (таким образом он не прослужил и двух полных лет до своего подвига). 10-го января 1852 г. Щеголев был назначен в 14-ю артиллерийскую бригаду. Награжденный по-царски за свой подвиг 10-го апреля, Александр Петрович проходил потом службу в военном же ведомстве. За отличное состояние его батареи (5-й артиллерийской бригады) назначен был флигель-адъютантом, а во время русско-турецкой войны, за взятие Плевны, произведен в генерал-майоры и назначен в свиту Его Величества. В последнее время своей службы Щеголев состоял командиром 1-го гвардейского корпуса. В настоящее время он в отставке, в чине генерал-лейтенанта, и живет в Москве.

Все, знавшие Щеголева, отзываются о нем, как о человеке симпатичном и в высшей степени скромном. Вот, например, как рисует нам Александра Петровича г. Скальковский в своих воспоминаниях: «На третий день после бомбардировки отец привез к нам обедать Щеголева. Это был истинно русский человек в том роде, как описывает Толстой. Ничего общего с Георгием Победоносцем или Ричардом Львиным сердцем он не имел. Щеголев представлял оглохшего, молодого, безусого прапорщика в веснушках, с рыжими слегка опаленными волосами. Он держал себя чрезвычайно скромно, застенчиво, вовсе не рисуясь даже по получении отовсюду самых лестных поздравлений...»

Таким образом скромным он, 72-летний старик, остался и до настоящего времени, – как рассказывают видевшие его в последнее время.

Награды по случаю бомбардирования Одессы.

Заслуги лиц, способствовавших успехам нашим в памятные для Одессы дни 10 и 11 апреля, оценены были Государем Императором по достоинству:

Высочайшая грамота генерал-адъютанту барону Остен-Сакену, от 21 апреля 1854 г. гласит:

«В тот самый день, когда собравшиеся в православных храмах жители Одессы совершали память о погребении распятого за искупление человечества Сына Божия, союзники врагов Его Святого Имени посягнули на разрушение сего города – мира и торговли, в коем Европа всегда находила отверзтые житницы в тяжкие для нее неурожайные годы. Соединенные английский и французский флоты, в продолжение двенадцати часов, громили наши батареи, жилища граждан и стоящие в гавани купеческие суда. Но неустранимые войска, лично вами руководимые и исполненные твердого упования на Всевышнего Покровителя правого дела, со славой отразили упорный натиск неприятеля на берег, принявший во времена апостольские Святого Предвозвестника веры христианской в благословенном нашем отечестве. Геройская стойкость и самоотвержение войск, воодушевленных вашим примером, увенчались полным успехом; город спасен от разорения и неприятельские флоты скрылись в море. В справедливое воздаяние за сей блистательный подвиг, Всемилостивейше жалуем вас кавалером ордена Святого Апостола Андрея Первозванного, знаки коего при сем препровождаем, пребываем к вам навсегда благосклонны НИКОЛАЙ».

Высочайший рескрипт, данный на имя преосвященного Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического:

⁵² Дворянский полк – военно-учебное заведение, существовавшее с 1807 по 1855 г.

«Преосвященный архиепископ Херсонский Иннокентий! В тяжкий и вместе достославный для Одессы день испытания, когда союзники врагов имени Христова, дерзнув нарушить святость Великой Субботы, были, при всеильной помощи Божией, отражены храбрými нашими войсками, вы, с твердостью духа, достойного пастыря душ, священнодействуя под выстрелами неприятельских орудий и назидая паству словом веры и упования, содействовали и сами лично, и через подчиненное вам духовенство к ободрению жителей и к сохранению общего порядка и спокойствия, – и пламенная всех к Господу сил прибежность увенчалась небесным благословением Нашему оружию.

В ознаменование особенного Монаршего благоволения к столь доблестному слежению вашему, Всемилостивейше жалуя вам препровождаемый при сем алмазный крест, для ношения на клобуке.

Поручая Себя молитвам вашим, пребываю всегда вам благосклонный
НИКОЛАЙ Петергоф, 25-го июня 1854 года».

Награды Щеголеву

а) Император Николай Павлович повелел прапорщика Щеголева, «во внимание к блистательной храбрости и самоотвержению», произвести прямо в штабс-капитаны и украсить его грудь орденом Святого Георгия (предписания военного министра за №№ 3515 и 372).

б) Наследник Цесаревич, Александр Николаевич, осчастливил молодого героя следующим рескриптом:

«Любезный Щеголев!

Поздравляю тебя с славным твоим подвигом и с Царской за него наградой.

Посылаю тебе Высочайший приказ о производстве тебя в подпоручики, в поручики и в штабс-капитаны, грамоту со статутом на Всемилостивейше пожалованный тебе орден Святого Георгия и самый орден.

Прилагаю при сем же и Георгиевский крест с Моей груди; прими его, как подарок признательного отца почтенному сыну.

Благодарю тебя за твою мужественную, стойко-уставную заслугу; благодарю тебя от всех военно-учебных заведений, в которых отныне имя твое будет произноситься с уважением и подвиг твой будет служить примером воинской доблести.

Запечатываю еще в Мой конверт два на имя твое письма, оба тебе поздравительные и оба тебе благодарственные: одно от всего Дворянского полка, другое от оставшихся еще в этом полку однолетних твоих ротных сослуживцев.

Спасибо, голубчик Щеголев; наградил тебя Государь – наградит тебя и Бог.

Обнимаю тебя. АЛЕКСАНДР».

в) Рескрипт Щеголеву от Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Николаевича:

«Любезный Щеголев! – Мужество и хладнокровная распорядительность, оказанная вами 10-го числа минувшего апреля, при бомбардировании англо-французским флотом города Одессы, обратили на вас внимание всей России и удостоили вас Всемилостивейшими наградами. Мне, как генерал-фельдцейхмейстеру, особенно приятно иметь в рядах артиллерии такого отличного офицера и Я, для изъявления вам благодарности и сердечного расположения, посылаю вам прилагаемую саблю, с желанием, чтобы вы вперед имели случай обнажить оную за Государя, отечество и в честь артиллерии.

Остаюсь вам искренно-доброжелательный. МИХАИЛ.

Петергоф, 25-го июня 1854 года».

г) Приказ генерала-адъютанта барона Остен-Сакена 11 апреля:

«В память незабвенного подвига, совершенного вчера 6-ю прибрежной одесской батареей, под начальством резервной батареи 14 артиллерийской бригады прапорщика Щеголева, разрушенная батарея эта, вновь сооружаемая, которой мной дано было название № 6-й, переименовывается в Щеголевскую».

Император, одобряя это распоряжение, Высочайше разрешил навсегда сохранить за батареей название Щеголевской, чтобы увековечить геройское имя ее храброго защитника.

д) По повелению Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича, объявленному по военно-учебным заведениям от 25 января 1855 г. за № 7, препровождены во все военно-учебные заведения литографированные портреты штабс-капитана Щеголева.

е) По Высочайшему повелению, изъясненному в приказе по военно-учебным заведениям от 17 марта 1855 г. за № 2052, за отличие, оказанное при отражении англо-французского флота во время бомбардирования г.Одессы, имя штабс-капитана Щеголева начертано на мраморную доску в Дворянском полку.

Всей прислуге Щеголевской батареи было приказано выдать не в зачет годовое жалованье и собственно от Его Величества назначено 10 знаков отличия Военного ордена, сверх тех, которые уже розданы были генералом Остен-Сакеном. Прислуга прочих батарей получила по два серебряных рубля на человека и по два знака отличия Военного ордена на батарею.

Нижние чины дивизиона, отбившего десант противника, были награждены годовыми окладами жалованья и, кроме того, получили знаки отличия Военного ордена, по одному на каждое орудие. Всем прочим войскам выдано по одному рублю серебром.

Студенты: Ришельевского лицея – Деминитру и Скоробогатый и Горыгорецкого института Поль награждены знаком отличия военного ордена, с производством в портупей-прапорщики; при этом министр народного просвещения Норов предложил написать имена их золотыми буквами на доске, с изложением их подвигов и полученных наград, и иметь эту доску в актовом зале лицея.

Ученику 6-го класса Одесской 2-й гимназии Ивану Бодаревскому объявлено Монаршее благоволение и повелено внести имя его, золотыми буквами, на доску достойнейших воспитанников; кроме того, министром Норовым предложено, чтобы в аттестате Бодаревского, который будет ему дан при увольнении из гимназии, включены были как описание совершенного им подвига, так и награда, какой он удостоен.

На вопрос военного министра, в какие именно войска предложено определить студентов Деминитру и Скоробогатого, директор Ришельевского лицея донес, что первый из них изъявил желание поступить в Гессен-Кассельский гусарский полк; относительно же второго получено было уведомление о желании поступить в Полоцкий полк.

XXIII.

Различные постановления и распоряжения по поводу бомбардировки 10-го апреля 1854 года: а) пожалование пособий беднейшим жителям Одессы, потерпевшим от бомбардирования; б) учреждение совершения таинства Елеосвящения накануне Великой Субботы в кафедральном соборе и в) обозначение пробоин от неприятельских ядер в городских строениях черной краской (кружками).

Государь Император, в отеческой заботливости о беднейших жителях Одессы, наиболее потерпевших от повреждения домов их во время бомбардирования неприятельскими флотами 10 апреля, Всемилостивейше соизволил пожаловать нижепоименованным лицам следующие пособия: мещанину Василию Козину – 1950 р., Марии Голощаковой – 1000 р., вдове унтер-офицера Микуциной – 800 р., мещанке Федьковой – 170 р., Матвеевко – 120 р., Пантасенко – 190 р., Колиберде и Доброву – по 230 р., Остапенко – 205 р., Козловской – 200 р., Борщенко – 203 р., Шевченко – 175 р., Ивану Пищаеву – 150 р., поручице Кондаковой – 500 р., мещанке Демченко – 30 р., Орловой и священнику Левицкому – по 115 р., мещанину Иванову – 56 р., Коломейченко – 25 р., вдове аптекарского ученика Филипповой – 75 р., – всего же 6539 р.

Деньги эти выданы упомянутым лицам, в присутствии исправляющего должность Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора Анненкова 2-го, 24 июля. Его превосходительство, вместе с тем, просил одесского военного губернатора и вменил в непрременную обязанность одесской городской полиции наблюдать, чтобы обыватели, у коих дома вовсе уничтожены неприятельскими действиями, озаботились теперь же употреблением полученного от щедрот Монарха пособия на постройку для себя домов, а те из обывателей, дома коих потерпели повреждение, привели бы их в такое состояние, чтобы живущие в них семейства не были подвергнуты, от неисправности домов, суровостям непогоды во время зимы.

По ходатайству преосвященного Иннокентия, указом святейшего правительствующего синода учреждено совершение таинства елеосвящения в Великий Пяток, вечером, в Одесском кафедральном соборе, в память бомбардирования Одессы в 1854 г.

Дабы память недостойного покушения англо-французского флота была сохранена, пробоины, сделанные неприятельскими ядрами в городских строениях, означены черной краской.

XXIV.

Цель бомбардирования Одессы неприятельским флотом. Различные мнения об этом. Результаты бомбардировки Одессы: а) для неприятеля и б) для нас.

В заключение постараемся разрешить некоторые вопросы, представляющие известного рода интерес, по поводу бомбардировки Одессы, а именно:

- а) С какой целью неприятельские флоты бомбардировали Одессу?
- б) Каковы были результаты бомбардировки?

Первый вопрос разрешается различно:

Одни представляют бомбардировку делом мести за оскорбление британского флага: так по крайней мере утверждали адмиралы Дундас и Гамелен.

Но нельзя же мстить за измышленное оскорбление, за намеренно извращенный факт: ведь сколько-нибудь добросовестное производство дознания по этому поводу выяснило бы всю ложность показания капитана «Фюриуса», на которое опирались адмиралы. Факт оскорбления, очевидно, был измышлен, обстоятельства дела извращены. Чтобы только изыскать какой-либо предлог к нападению на Одессу.

Другие говорят: разорять мирный город, где в числе торгового класса было много английских и французских подданных, которые могли бы пострадать при этом случае, вряд ли было специальной целью соединенных флотов. Поэтому, думают, вряд ли можно утверждать, что неприятель намеренно стрелял по самому городу: направляемые на батареи и крепость выстрелы только случайно могли попадать в город, вследствие колебания пароходов при довольно сильном ветре.

Третьи думают, что флоты имели прямую цель нанести вред Одессе, как торговому пункту, стараясь уничтожить (что отчасти и достигнуто) ее практическую гавань, а, вместе с тем, и сами суда, в ней стоявшие, хотя некоторые из них принадлежали и иностранцам. Если же сделано было мало вреда самим городским зданиям, то это могло случиться по причинам, от неприятеля независящим.

Во всем этом, конечно, есть кое-что вероятное, но нельзя обойти еще одного предположения, выдуманного, сколько нам известно, впервые г. Черемисиновым в указанном нами его сочинении.

Он полагает – и мы, со своей стороны, думаем, что можно, действительно, согласиться с его предположением, – что главной целью бомбардировки было желание вызвать из Севастополя наш флот, незначительный сравнительно с соединенной армадой союзников, – чтобы совершенно уничтожить его в морском сражении, и таким образом лишить нас всякой возможности пользоваться им при предстоящих военных действиях.

Ни одна, к счастью для нас, из указанных целей, как мы видели, неприятелем не была достигнута, благодаря стойкости одесских защитников и осторожности севастопольского морского начальства.

В чем же, наконец, заключались результаты бомбардировки для неприятеля?

По показанию наших шкиперов, бывших в плену на неприятельских судах, результаты нашей обороны оказались для союзников довольно печальны и чувствительны, – а именно:

а) один из французских фрегатов загорелся от наших каленных ядер, – почему и отведен был другим пароходом к эскадре; там с двух кораблей посланы на помощь ему пожарные инструменты;

б) на фрегате, подходившем к батарее № 1, нашими ядрами оторвало ноги командиру парохода и убило и ранило до 6 человек;

в) все пароходы, участвовавшие в бою, получили пробоины, особенно на кожухах;

г) на пароходе «Фюри» убит кто-то из высших чинов и осколками мачты изувечены 4 человека;

д) убитых и раненых вообще было не менее 35-ти.

Материальные результаты бомбардирования собственно для Одессы были незначительны, – а именно:

а) убито: нижних чинов – 4, частных лиц – также – 4.

б) ранены: артиллерийский подполковник Мещеринов и 45 нижних чинов; контужено нижних чинов – 12.

в) сожжено: 14 домов на Пересыпи и

г) повреждено в городе 52 частных дома.

Ясно, что потери неприятеля далеко не соответствовали ни его силам, ни тем затратам, которые сделаны были на бомбардировку.

Для нас же главные результаты бомбардировки – нравственные – заключались в том, что она дала полное удовлетворение нашему патриотическому чувству, прославив нас в неравном бою.

Не забудем, что в Восточную войну это было нашим первым столкновением с неприятелем на родной земле, и столкновением, окончившимся для нас довольно счастливо.

Бомбардирование Одессы явило свету чудеса мужества, патриотизма и строгого исполнения долга, свойственные русскому человеку во всех положениях и возрастах (Сакен, Щеголев, нижние чины, студенты Деминитру, Скоробогатый, Поль, Бодаревский и пр.).

Она показала и силу религиозного влияния, умиротворяющего и успокаивающего человека-христианина в самые трудные минуты его жизни (Иннокентий).

Она показала, наконец, – и это по местным условиям Одессы чрезвычайно важно, – что столица юга России (как называют наш город), считавшаяся каким-то не русским, а полуиностранным городом, принадлежала и принадлежит по духу к числу чисто русских городов, всегда стойко отражавших нападающих врагов и не щадивших жизни для родной земли.

Взятие английского парохода «Тигр» 30-го апреля 1854 года

XXV.

Причины перехода ко взятию английского парохода «Тигр». Общее успокоение в Одессе. Тревога по случаю пушечной пальбы на море 30-го апреля. «Тигр» на мели у берегов Одессы. Попытки его сняться с мели возбуждают внимание береговой стражи. Донесение о пароходе барону Сакену. Его распоряжения.

В тесной связи с бомбардировкой Одессы находится взятие английского парохода «Тигр»: это – своего рода эпилог геройской защиты города в памятное 10-го апреля 1854 года.

После ухода неприятельских флотов у всех нас стало как-то особенно спокойно на душе. По обыкновению, скоро забылись все ужасы, пережитые в Страстную седмицу, ознаменовавшуюся для Одессы неслыханным в христианском мире неуважением к святости великих для каждого христианина дней.

Выезжавшие на дачи и в городские предместья, спасаясь от бомбардировки, возвратились в свои городские жилища. Жизнь закипела по-прежнему: началась обыкновенная суeta большого города с ее деловой стороной, развлеченьями и удовольствиями. Войск почти не было видно: многие части их уже вышли из Одессы в другие места, где, по мнению военного начальства, предстояла в них большая надобность, в виду возможности нападения неприятеля.

Как вдруг, 30-го апреля, для всех совершенно неожиданно, послышались с моря знакомые для Одессы пушечные выстрелы. Население в испуге встрепетулось. Бросились к берегу, – но ничего не было видно на море ни с бульвара, ни с ближайших дач.

Общее недоумение вскоре разъяснилось. Оказалось, что стреляли у дачи Кортацци, верстах в 6-ти от города, где сел на мель неприятельский пароход. Это был «Тигр», памятный для Одессы тем, что первый начал бомбардировку 10-го апреля.

К даче этой устремилась вся Одесса. Кто в экипажах, кто пешком, в перегонку спешили наслаждаться интересным зрелищем. Но прежде всех туда явились, конечно, войска.

Это любопытное и оригинальное сухопутно-морское дело началось таким образом.

Около 4 ½ часов утра, при очень густом тумане, – какие у нас нередки в весеннее и осеннее время, – в неприятельской эскадре из трех пароходов (английского «Тигр» и французских «Нигер» и «Везувий»), крейсировавший у берегов Одессы, фрегаты разошлись в тумане. «Тигр» в это время наскочил на мель, и так основательно, что не мог двинуться ни назад, ни вперед: он врезался между подводных камней, носом к берегу. Положение, конечно, крайне опасное для всякого судна.

Все попытки сняться с мели не привели ни к чему. Заведены были два якоря, отодвинуты на корму пушки, выброшена часть балласта, выпущена вода из котлов, – словом, в течении трех часов употреблены были все средства к облегчению парохода, – но ничто не помогало. Стрелять, прося помощи, капитан не решался, чтобы не выдать себя, привлекая внимание нашей береговой стражи; попробовали звонить в колокол...

Возня на пароходе, свист выпускаемого пара, шум колес, голоса перекликавшихся матросов, довольно явственно слышавшиеся на берегу, обратили на себя внимание начальника наблюдательного поста у дачи Кортацци, упоминаемого уже нами выше – г. Кмиты.

Тотчас донесли о том барону Сакену, по распоряжению которого вызван был из ближайшего пункта, колонии Люстдорф, отряд из двух рот пехоты и взвода улан, при двух орудиях.

XXVI.

Действия нашей артиллерии. Сдача «Тигра». Два неприятельских парохода начинают перестрелку с нашей артиллерией. Результаты боя. Неосторожность публики. Мы зажигаем пароход. Увлечшиеся гвардионы. Взрыв «Тигра». Наша добыча. Флаг с «Тигра» пожалован морскому кадетскому корпусу. Церемония передачи флага. Предположения относительно защиты Одессы оказываются излишними.

Когда туман несколько рассеялся, то артиллерия наша могла уже довольно метко стрелять с высокого берега вниз по пароходу, в котором и сделано было несколько серьезных пробоин. Стрельба же с «Тигра», пытавшегося защищаться, нам нисколько не вредила: снаряды, направляемые снизу вверх, перелетали через головы нашего отряда.

Нашими выстрелами был тяжело ранен капитан парохода Гиффард (Джиффард), которому, в самом начале перестрелки, оторвало ядром левую и опасно ранило правую ногу.

Безуспешность отстреливания, серьезные повреждения парохода и опасное положение капитана, сдавшего команду старшему офицеру, заставили неприятеля спустить вымпел и затем поднять белый флаг. Вследствие этого огонь с нашей стороны был прекращен.

Тотчас же съехал на берег парламентар с объявлением, что экипаж сдается военнопленным. Затем перевезен был на берег капитан парохода, 24 офицера, гардемарины и матросы (201 человек). Оружие пленные моряки кляли на берегу. Экипаж тотчас же был отправлен в Карантин.

Взятие «Тигра» было для нас очень важно во многих отношениях. Он принадлежал к лучшим пароходам английского флота. Длина его была 210 ф., ширина 86, глубина 24 ф. 6 дюйм.; водоизмещение 1220 тонн; машины (в 560 сил) Пена, лучшего заводчика в Англии. Строителем его был Эдди, помощник английского сервайера (подрядчика), один из известнейших английских инженеров. Судно было спущено в 1849 г. и стоило, без провизии, пороха и снарядов, около 450000 р. сер. Пушек на нем было чугунных 16: 2 (бомбические) 96-фунтовые и 14-ть 36-фунтовых; медных 3: две 18-фунт. И одна 16-фунт. Из этого числа оказалось годных к употреблению 11, а испорченных 8.

Необходимо прибавить, что «Тигр» был сначала яхтой королевы Виктории, а впоследствии обращен в своего рода морскую школу: на нем плавали гардемарины и мичмана, принадлежавшие к самым аристократическим английским семействам, – для ознакомления с морской службой, под руководством наиболее опытных моряков великобританского флота. Отсюда видно, как тяжела была для английского флота потеря «Тигра».

Когда кончилась сдача фрегата и перевозка экипажа его на берег, вдали показались два неприятельских парохода, принадлежавшие к одной с ним эскадре: они, как видно, разыскивали фрегат, потерянный ими из виду в тумане.

Приблизившись к берегу, и увидев, в чем дело, пароходы открыли стрельбу по нашим войскам, увеличенным в это время двумя батальонами пехоты, дивизионом конницы и 28-ю орудиями. С дальнего расстояния, неприятель мог наносить серьезный вред нашим войскам, находясь для стрельбы в более выгодных условиях, чем погибший «Тигр».

Артиллерийский бой продолжался до 2-х часов пополудни (командовали полковник Горонович и капитан Верховский), – при чем, с нашей стороны, было убито два рядовых и контужены полковник Ильинский и поручик Смирнов.

Нужно удивляться, как при этом не случилось несчастий с множеством зрителей боя, очень спокойно любовавшихся перестрелкой с высоты берега и с его низменной части, у самого моря. Много даже тут же купалось, так как день был очень жаркий и солнце с безоблачного неба невыносимо жгло своими весенними лучами; а через головы купающихся, в то же время, летали ядра с нашей и неприятельской стороны.

Неприятель своими выстрелами старался совершенно уничтожить «Тигр», чтобы, по снятии с мели, фрегат этот не мог войти в состав нашего флота.

При такой обстановке мы не могли и думать о снятии его с мели и приведении в Одесский порт, – в присутствии двух неприятельских пароходов и под их выстрелами. Поэтому барон Сакен приказал зажечь «Тигр» калеными ядрами.

В это время на пароходе находились еще наши карантинные гвардионы, замешкавшиеся там вследствие обилия рома, вина и портера, имевшихся в большом количестве на «Тигре» и заставивших их забыть о своем опасном положении. Тогда на выручку увлекшихся гвардионов, или – вернее – для спасения их, послан был, по распоряжению генерала Сакена, баркас с вызвавшимися к тому охотниками.

Около 7 ½ часов вечера произошел страшный взрыв, когда огонь добрался до пороховой камеры на «Тигре». Нашим водолазам удалось впоследствии извлечь из моря машину «Тигра», в 560 сил, и 16 его орудий, из которых 11 оказались вполне годными. Ими впоследствии воспользовались для обороны берегов Одессы от неприятеля, так как признано было крайне необходимым увеличить укрепления нашего города. Дело это поведено было довольно энергично, – так что к осени 1854 года в Одессе имелось уже 12 береговых батарей, а весной следующего года приступлено было и к укреплению города со стороны суши. Линия укреплений должна была состоять из 43 земляных батарей, с 174-мя полевыми орудиями.

Но, к счастью, защищаться Одессе от неприятеля в другой раз не довелось, – хотя англо-французский флот в конце сентября 1855 года опять появился перед нашим городом, в количестве 100 вымпелов. Целью неприятеля в этом случае было желание отвлечь наши войска от Кинбурна и Очакова, куда потом он и отправился.

Флаг с погибшего «Тигра» был высочайше пожалован морскому кадетскому корпусу 11-го мая 1855 года. Передача его сопровождалась особой церемонией. 13-го мая, утром, в половине 11-го часа, генерал-адмирал, великий князь Константин Павлович, на пароходе «Фонтанка» прошел в Кронштадт между кораблями, расположенными на малом рейде. Пароход вел на буксире катер, на флагштоке которого, под русским флагом, развевался английский с парохода «Тигр». Шествие встречено было и сопровождалось громким «ура!». Это было последним нашим торжеством в Восточной войне.

XXVII.

Пленные с «Тигра» в Одессе. Письма об обращении с ними Домвиля и Т. Аллана. Смерть Джиффарда. Его похороны. Приезд его жены.

С пленными англичанами с «Тигра» обходились у нас очень радушно: их ласкали. Приглашали в дома, старались доставить всякие удобства и удовольствия. Приведем относительно этого выдержки из писем самих же англичан и французов. Одно из них было напечатано в газете Times (1854 г., № 24761, июня 7), а другое получено г. Гасфельдом из Англии от Томаса Аллана, мужа певицы Карадори Аллан.

Мы, пишет доктор с «Тигра» – Домвиль, поместились в Карantine «в комфортабельных комнатах, и ни что не может превосходить благосклонности и внимания, оказываемого нам всеми и каждым. Мы имеем хорошую квартиру, хороший стол, и все, что только нам угодно... Мы проживаем лучше, чем сколько возможно для нас на эскадре после месячного крейсирования... Лаулес (другой врач) и я оба заботимся о капитане, и нам дозволено ежедневно посещать наших товарищей, между которыми весьма мало больных. Все они веселы, хорошо ведут себя, и им оказывается всякое возможное снисхождение... Мы ни в чем не нуждаемся, и супруга генерала Остен-Сакена настояла на том, чтобы капитану из ее собственного дома доставляемы были всякие мелкие удобства, принадлежащие более к роскоши, как например, желе. Ежедневно лично посещали нас губернатор и другие начальствующие лица, которые необыкновенно к нам благосклонны».

Алан, между прочим, пишет: «по окончании битвы, русские не уступают другим народам на земном шаре в милосердии и человеколюбию. Оказывается, что с этими моряками (с «Тигра») обращались благосклонно и со вниманием, и что с женской нежностью, – назовем ее лучше ангельской добротой, – госпожа Остен-Сакен отрезала локон несчастного умершего мичмана и препроводила его волосы в медальоне к его родным⁵³. – Ах, госпожа Сакен! Хотя я и не имею счастья знать вас, но удивляюсь вам, почитаю вас, и, в той мере, как это дозволено супругу госпожи Карадори, люблю вас, и здесь вписываю этот *miu publico segreto*. Да сохранит Господь вас лично от печали, и помните, сударыня, что если я могу услужить кому-нибудь из ваших, даже до собаки вашей внучатой сестры, пришлите его ко мне, и вы увидите, как я приму его с открытыми объятиями».

Несколько пленнх умерло в Одессе. Так капитан Джиффард, опасно раненный, как мы уже говорили, скончался почти через месяц после взятия его в плен. Похороны его были обставлены торжественно. Мне довелось 23 мая видеть, как гроб капитана, поставленный на пушечный лафет (кажется с «Тигра»), везли по Внешнему бульвару на Старое кладбище. За гробом шел весь экипаж «Тигра». Их окружала, сколько помнится, карантинная стража. За гробом шло несколько наших генералов, а при выносе тела присутствовали генерал-адъютант Анненков и генерал-

⁵³ По другим известиям это относится к капитану Джиффарду, локон волос которого г-жа Сакен отправила к жене умершего. – О г-же Сакен рассказывает и матрос с «Тигра» Вильям Смит: когда умер юноша, раненый во время взятия парохода, и небольшой кусок гранаты был извлечен из его тела, то баронесса приказала оправить его в золото и при глубоко-сочувственном письме препроводила его матери мальчика в Англию. (*Примечание Ленца*).

лейтенант Крузенштерн (военный губернатор Одессы). На кладбище покойному отданы были все военные почести, по положению.

Другие пленные похоронены на так называемом Братском кладбище, в Карантине, близ нынешнего Александровского парка.

27-го мая (1854 г.) на военном английском пароходе «Везувий» приехала в Одессу вдова капитана Джиффарда и обратилась к генерал-адъютанту Сакену с просьбой о дозволении ей разделить плен со своим мужем. Когда же она узнала о смерти капитана, то просила разрешить ей поклониться могиле мужа. Позволение, конечно, было дано. Со всеми карантинными предосторожностями ее отвезли на Старое кладбище, где она выказала много твердости и достоинства характера, и затем сердечно поблагодарила за попечение о ее муже во время болезни. Пароход «Везувий» в тот же день с вдовой Джиффард отплыл из Одессы.

XXVIII.

Мы необыкновенно скоро забываем об исторических событиях, имеющих важное для нас значение. Памятники событий 10, 11, и 20 апреля 1854 г. Святое таинство Елеосвящения, совершаемое вечером в Великий Пятток Страстной седмицы. Заметка о Ришелье. Обозначение следов неприятельских ядер и бомб. Предположенный памятник Щеголеву. Памятник-пушка. Могила двух артиллерийских солдат, убитых при взятии «Тигра». Братское кладбище. Его крайняя запущенность и безобразное состояние.

События, пережитые Одессой в 1854 году, составляют одну из блестящих страниц в истории нашего относительно молодого города.

К сожалению, память о них сохранилась у немногих старожилов Одессы: не забудем, помимо всего другого, что в 50-летие сменилось почти два поколения наших граждан и что население Одессы необыкновенно быстро сменяется: ежегодный наплыв иностранцев и обитателей других местностей России (в особенности из Западного края) способствует быстрому увеличению числа жителей нашего города.

Посмотрим же, что именно осталось на память одесситам о событиях 1854 года.

Прежде всего, конечно, церковный памятник – ежегодно торжественно совершаемое в нашем кафедральном соборе с Великой Пятницы на Великую Субботу таинство святого елеосвящения. Об этом грандиозно-умилительном молении, к сожалению, не многие и знают, – в особенности не коренные жители нашего города, – так как оно нигде на Руси не совершалось и не совершается во время всенощной, как всенародное моление.

Другие, если почему-либо и знают об этой оригинальной церковной службе, то не всегда знакомы с ее поводом, вызвавшим ее, – другими словами, она не напоминает им о самом событии, к которому приурочивается.

Иноверцам же, и в особенности не христианам (а их у нас не перечесть!) это торжественное богослужение и вовсе не известно; да оно, конечно, ничего не говорило бы их сердцу и при знакомстве с его происхождением.

Это, так сказать, духовный, внутренний памятник, говорящий истинно русскому человеку о чудесном избавлении Одессы от разорения или совершенного уничтожения в знаменательный день 10-го апреля.

В какой-то чисто нервной суете мы, живя только интересами минуты, совершенно забываем свое прошлое, забываем и тех деятелей, которые способствовали быстрому развитию нашего города.

Предки наши, глубоко признательные к заслугам, например, герцога Ришелье, воздвигли ему памятник, в надежде увековечить имя этого истинно прекрасного человека и замечательного государственного деятеля, употребившего все свои силы свои на благо вверенного ему края.

Недавно совершилось столетие назначения его в Одессу, и почти никто не вспомнил об этом в созданном им городе. Кроме нашего Общества, нигде не было ни торжественного заседания, ни даже какого-либо чтения, посвященного памяти обожаемого когда-то Дюка, бескорыстного деятеля, принесшего почти все свое состояние любимице своей Одессе, оплатившей ему теперь за все его благодеяния полнейшим равнодушием.

Следов неприятельских ядер на зданиях в настоящее время совершенно не сохранилось – или вследствие перестроек, или потому, что сами дома исчезли, заменившись новыми; или по забывчивости домохозяев, или же по незнанию значения этих круглых черных пятен, которые при ремонте домов закрашивались и уничтожались. Единственный, оставшийся еще на лице, след неприятельского ядра мы можем видеть на пьедестале памятника Дюку де Ришелье.

Сами ядра еще кое-где сохранились (в нашем музее, в архиерейском доме, в университетском здании – прежнем лицее – на Дворянской, Херсонской и Елизаветинской улицах).

Вспомнили у нас о событиях 1854 года только тогда, когда везде заговорили о праздновании 50-летнего юбилея Крымской войны. Тогда мы припомнили, что в годину этой войны наш город первый принял на себя удары врага и постоял за себя вполне по-русски. И вот поднят был вопрос об увековечивании этого события и о чествовании главного героя 10-го апреля 1854 года – полузабытого юноши-прапорщика (теперь давно уже генерала) А. П. Щеголева.

Когда осуществится эта мысль – трудно сказать: помешали пока этому хорошему делу тяжелые обстоятельства настоящего времени, а затем и то, что дела о памятниках у нас всегда идут черепашью ходом и мало помалу и совсем забываются. Ведь в свое время у нас, на

бульваре, заложен был памятник взятия Хаджибея⁵⁴, но – его и до сих пор не имеется. Даже с большим трудом воздвигнутый памятник императрице Екатерине II до сих пор не вполне закончен: забыты надписи под четырьмя фигурами, стоящими на пьедестале, – вероятно, как загадка: кто, мол, ее разгадает?

Как бы то ни было, но городская дума постановила ассигновать на Щеголевский памятник 4000 р., но комиссия из городских техников определила стоимость памятника в 5-10 тыс. рублей, если ограничиться только постановкой колонны лил обелиска, с несложными атрибутами; если же он будет состоять из гранитной массы с бронзовой фигурой Щеголева, то обойдется не менее 20-25 тыс. рублей.

Наиболее подходящим местом для памятника признан управой сквер напротив юнкерского училища. Проект памятника Щеголеву, впрочем, составлен нашим скульптором Б. В. Эдвардсом⁵⁵.

Проектированный памятник представляет полуразвалившуюся амбразуру, из которой выглядывает пушка. Возле нее – бомбардир с фитилем. Рядом – Щеголев, внимательно вглядывающийся в море, чтобы для верности прицела точнее определить неприятельские позиции.

Другой памятник, уже поставленный на площадке между Николаевским бульваром и зданием думы, напоминает нам и о бомбардировке Одессы и о взятии парохода «Тигр», – как бы связывая собой эти оба события, близкие и по времени, и по месту, и по лицам, участвующим в них.

Это памятник-пушка. На пьедестале из искусственного гранита, в 2 ½ аршина вышины, установлена бомбическая корабельная пушка, снятая с английского парохода-фрегата «Тигр», бывшего яхтой королевы Виктории, а потом одним из главных военных пароходов английского флота. Это был тот пароход, который первый начал бомбардировку Одессы в 1854 году. Пушка пожалована нашему городу императором Николаем I-м вместе с другой, разорвавшейся при выстреле.

При устройстве памятника-пушки (которым городское управление пожелало ознаменовать и вообще 50-летие Крымской войны) были приняты меры, чтобы все разрушившиеся от времени части орудия и лафета вполне соответствовали данному времени. К пьедесталу прикреплены металлические доски с надписями относительно истории пушки и сооружения самого памятника. На передней стороне – герб Одессы. Около пушки соответствующие калибру ее бомбы, извлеченные из моря на месте гибели «Тигра». Памятник устроен по рисунку архитектора Кундурта⁵⁶. Пушка эта во время Крымской войны стояла на центральной батарее Луиджи Мокки, в конце Канатной улицы.

О взятии «Тигра» говорит нам еще очень скромный памятник двум солдатам – артиллеристам, убитым при этом счастливом для нас деле, и следы кладбища около Александровского парка. Памятник сооружен возле храма Воскресенского монастыря на Среднем Фонтане. Он состоит из 4-угольной каменной колонны, с вделанной в нее мраморной доской. Надпись говорит, что здесь погребены убитые 30 апреля, при взятии «Тигра», артиллеристы Григорий Прокофьев и Иван Потеруха. Сооружен он теми же одесскими купцами Андреем и Иваном Посоховыми, о которых мы уже говорили выше, как о выдающихся патриотах.

О положении, в котором находится кладбище около парка, – где погребено много наших воинов, привезенных ранеными из Крыма, а также несколько английских офицеров и матросов с «Тигра», – больно и совестно говорить. Все могильные плиты разбиты в куски, разбросанные по всему кладбищу, безобразно изрытому и заваленному всяким мусором – кирпичами, битыми горшками, бутылками, раздробленными камнями и пр.

Сохранился в целости только мраморный памятник 77-ми воинам-караимам, участникам Крымской войны, – да и то, как видно из надписи, возобновленный в 1903 году. Весь он, сверху до низу, исписан различными, неподходящими к месту упокоения, карандашными надписями и исцарапан. Одиноким стоит он на этой Божьей ниве, как горький укор новому поколению от «положивших души за други своя»...

Такое кощунственное, непростительное непочтение к историческому месту, своего рода «братскому кладбищу», напоминающему одну из тяжелых и вместе с тем блестящих страниц в истории Крымской войны, ознаменовавшейся славными подвигами наших «серых героев», мало рекомендует тех, кем допущено такое безобразие.

Священное для каждого истинно русского кладбище это до того разорено и обезображено, что трудно и привести его в настоящее время в сколько-нибудь приличный вид, – тем более, что скромные могилы, с кое-какими наскоро поставленными плитами и крестами, перерыты и разрушены; имеется только, кроме караимского памятника, еще какая-то уже наполовину сломанная железная решетка...

Мне говорили, между прочим, что в этой местности предполагалось построить небольшую церковь для лиц карантинного ведомства (которая и была бы лучшим памятником покоящимся здесь смертным сном), – но все это осталось, по обыкновению, одним только предположением.

Н. И. Ленц. Бомбардирование Одессы (10 апреля 1854 года) // Записки императорского Одесского

⁵⁴ Хаджибей – турецкая крепость на месте которой основан город Одесса (1794).

⁵⁵ Эдуардс, Борис Васильевич – скульптор, один из основателей Товарищества южно-русских художников в Одессе.

⁵⁶ Кундурт, Владимир Иванович – одесский инженер-архитектор.

общества истории и древностей. Т. 26. С. 1–108. Одесса,
1906.